Родословная до седьмого полена

Автор:
Дарья Донцова

Родословная до седьмого полена

Дарья Аркадьевна Донцова

Иронический детектив (Эксмо)Любительница частного сыска Даша Васильева #54

Ничего себе пердимонокль! Оказывается, рядом с домом любительницы частного сыска Даши Васильевой расположены «графские развалины». Случайно обнаружившая их Даша наткнулась рядом с ними на надгробные плиты и труп молодого мужчины! Конечно, Васильевой к трупам не привыкать! Но это был уже явный перебор, ведь утром того же дня на пороге Дашиного дома скончалась совершенно незнакомая женщина, зачем-то заявившаяся к ней в гости. Полковник Дегтярев категорически не хочет посвящать Дашу в детали расследования, и любительница частного сыска решает распутать загадочное со всех сторон дело сама и утереть полковнику нос!..

Дарья Донцова

Родословная до седьмого полена

© Донцова Д. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

Чтобы получить истинное удовольствие от своего плохого настроения, им надо с кем-нибудь поделиться.

– Почему в кухне так мерзко пахнет? – рассердился Дегтярев.

Я сделала вид, что не слышу вопроса, а Манюня засмеялась:

– Не придумывай. Даже я ничего не чувствую. А мне теперь кажется, что от всего почему-то тухлой рыбой несет.

Юра потянулся к сыру.

– Мама рассказывала, что когда она была беременна мной, то не могла пользоваться мылом. В советские времена особого выбора не было, они дома пользовались мылом под названием «Руслан». И как только она его видела, так сразу в туалет неслась.

– Зачем бежать с мылом в туалет? – удивился Маневин. – Верочка там мылась?

Маша опять рассмеялась:

– Объясняю для непонятливых мужчин. Мать Юры тошнило. Ей становилось плохо при одном взгляде на брусок. Как я свекровь понимаю! Мне вот прямо от любого предмета воняет тухлятиной.

– Это можно пережить, – легкомысленно сказал Феликс, – человек ко всему привыкает. Ведь токсикоз не навсегда.

Манюня потрясла головой.

– Так может считать лишь тот, кто не испытывал этот самый токсикоз. Сейчас постараюсь описать свои ощущения. Представь кусок сырого лосося, который пролежал в земле лет эдак сто, а ты его выкопал и теперь на груди носишь и

нюхаешь, нюхаешь, нюхаешь…

– Сильное сравнение, – засмеялась я.

– Сырая рыба никогда столько времени в почве не пролежит, – заметил Юра.

– Ну, это смотря, как ее хранить, – возразил Маневин, – помню, как на раскопках в Таджикистане, еще в советские времена в могиле одной…

– Приятного всем аппетита, – перебил моего мужа полковник, – славно всем поужинать под беседу о тошноте, вони, мыле и останках, которые Феликс из гроба извлек. В тему чудного застольного разговора у меня вопрос. Почему в кухне воняет дерьмом из помойки?

– Потому что наша домработница уволилась, новая придет только завтра, – смиренно ответила я, – прости, забыла мусор за весь день вынести в бачок.

Александр Михайлович встал.

– Ерунда. Подумаешь, не поем на ночь. Живот зато меньше станет. И вообще я сел на диету.

Все уставились на полковника, а Маша задала вопрос, который читался в наших глазах:

– Куда ты уселся?

– На диету, – повторил Дегтярев, – а то стал похож на тучного кабана, выгляжу намного старше своего возраста.

Я уронила вилку. Мафи мигом кинулась к ней в надежде слопать вкусненькое. Александр Михайлович резко отодвинул стул, бегом бросился к лестнице и исчез из виду.

– С ума сойти, – протянула Маша, – Дегтярев заговорил о диете!

– Может, он посетил врача, а тот его напугал? – предположил Юра. – Рассказал про грядущий диабет, гипертонию, бляшки в сосудах, артрит и прочие радости, которые толстяков подстерегают?

– Полковника беседами из седла не выбить, – вздохнула я, – сто раз уже про все последствия лишнего веса ему говорили, а толку нет. Вдруг Дегтярев на самом деле заболел? Сейчас жаловался на плохой запах, хотя ранее никогда не морщил нос даже на месте преступления, а там подчас вонь невыносимая.

– Фуу, – прошептала Маша, – теперь и мне стало дурно, бее…

Манюня зажала нос ладонью и выбежала из столовой, Юра поспешил за ней.

Я повернулась к Феликсу.

– Поговори с полковником. Мне он правду о состоянии своего здоровья никогда не скажет, а с тобой, возможно, поделится проблемой. Вдруг его срочно лечить надо? При каких болезнях обоняние обостряется?

– При беременности, – вздохнул Маневин, – но сомнительно, что Дегтярев в интересном положении. Возраст у него не тот.

– И вообще он мужчина, – уточнила я, – ох, не нравится мне боевой настрой толстяка. Обычно он при слове диета вопит: «Во мне нет ни грамма жира, в позвоночнике сильный прогиб, отсюда и живот».

– Не нервничай, – сказал муж, – просто полковник сегодня не в духе, а чтобы…

– …Получить истинное наслаждение от своего плохого настроения, надо им с кем-нибудь поделиться, – перебила его я, – уже думала на эту тему.

Маневин взглянул на часы.

– Мне пора в аэропорт.

– Провожу тебя до машины, заодно и мусор выброшу, – засуетилась я и поспешила на кухню.

Мопс Хучик побежал за мной.

– Тоже хочешь выйти? – улыбнулась я. – Несмотря на декабрь, сильного мороза нет, но все равно холодно, придется попону натягивать. А ты не большой любитель наряжаться. Может, дома останешься? Вон Снап, Банди, Афина и Черри у камина спят.

Но Хучик опрометью кинулся в прихожую. Я подумала, что у него схватило живот, и, таща мешок с отбросами, двинулась за ним. Что-то не везет нам в последнее время с домработницами. Может, та, что должна завтра прийти, Женя со смешной фамилией Коробко окажется подходящей? Я не жду от помощницы по хозяйству никаких эксклюзивных талантов, требования самые простые. Она должна любить животных по-настоящему, а не прикидываться обожательницей собак. Не воровать. Не пить алкоголь. Не курить. И вкусно готовить. В нашем доме полно бытовой техники, которая облегчает труд домработницы, ей выделяется просторная комната с телевизором, пить кофе-чай, завтракать-обедать-ужинать можно когда угодно, никто ей не скажет: «Не ешьте этот сыр, он только для хозяев». Продукты предназначены для всех. Зарплата достойная, выдается точно в назначенный день. Ни Дегтярев, ни Маневин никогда не станут приставать к горничной. На мой взгляд, это нормальные условия. И что? Одна тетушка при мне целовала Мафи, Хучика и всех остальных четвероногих. Но она не знала про камеры, которые установлены в комнатах, и я, уехав из дома, увидела на экране планшета, как «любвеобильная» особа бьет Хуча тряпкой по мордочке. Ясное дело, через час ее уволили. Другая, проработав неделю, покатила на рынок за продуктами и не вернулась. И ведь она знала, где служит Дегтярев! Александр Михайлович живо нашел дамочку и задал ей всего один вопрос:

– Неужели старая таратайка, которая много лет используется для хозяйственных нужд, и деньги, которые вам выдали для покупки картошки, стоили того, чтобы лишиться хорошей зарплаты и попасть под следствие?

Третья домработница открыла охоту на самого полковника, решила заарканить холостого мужика не самого юного возраста.

Я бросила мусорный мешок в контейнер, помахала рукой Маневину, который садился в такси, и пошла к дому.

Глава 2

На следующий день после завтрака я услышала звонок в дверь и удивилась. Кто это? Гостей я не жду, молочник уже приезжал, а новая домработница должна прибыть позже. Отложив журнал, который решила почитать после того, как Маша, Юра и Дегтярев наконец-то уехали на работу, я пошла к двери и, не посмотрев на экран домофона, распахнула ее. На пороге стояла женщина в пуховике и вязаной шапочке с орнаментом в виде оленей. Вмиг мне стало понятно: новая горничная приехала раньше.

– Добрый день, Евгения! – преувеличенно бодро воскликнула я, испытывая глубокое разочарование.

Я прямым текстом сказала в агентстве: «Мне нужен человек не старше сорока лет, без проблем со здоровьем, любящий животных». Менеджер обрадовался:

– Женя Коробко идеально подойдет.

– Пусть приедет на беседу, – согласилась я. – Если понравится нам, оставлю на испытательный срок.

Но у тетушки, которая сейчас стоит у вешалки, большие мешки под глазами, они свидетельствуют, что у нее какие-то нелады или с сердцем, или с почками. А еще незнакомка бледна до синевы, губы трясутся, правая щека подергивается, похоже, у нее и с нервами беда. Мда. Сейчас из вежливости поболтаю с кандидаткой на место домработницы минут пятнадцать, отошлю ее в Москву и позвоню в агентство. Сотрудник компании «Швабра и тряпка» решил проигнорировать мои просьбы. Коробко не виновата, ей просто дали адрес не тех хозяев.

– Проходите, пожалуйста, – предложила я.

– Воды, – прошептала Коробко, – пить. Кто это? Нет! Уберите!

Я посмотрела вниз, увидела Хучика и решила прямо сейчас позвонить Анатолию, который занимался для меня поиском помощниц по хозяйству, и сказать ему:

«Женя Коробко выглядит так, словно вот-вот потеряет сознание, она явно больна и трясется от ужаса при виде собаки. Это явно не тот человек, о котором я вас просила. Более не занимайтесь моей проблемой». Но воспользоваться телефоном я не успела. Коробко схватилась за горло и упала на пол, пальцы ее правой руки разжались, из них выпал грязный кругляш размером с медальон, который Феликс подарил мне на прошлый Новый год.

Я наклонилась над женщиной.

– Женя! Очнитесь!

Ответа не последовало. Я быстро сбегала на кухню, принесла бутылку воды и начала брызгать на Коробко. Никакого результата. Пришлось опять нестись к аптечке за купленным в Париже пузырьком с нюхательной солью.

Отвернув пробку, я поднесла бутылочку к носу Коробко. Та не шевельнулась.

У меня на спине стадо кошек с острыми когтями начало плясать кукарачу.

– Женя, – крикнула я, – ау! Евгения!

В прихожую выглянула наша собакопони Афина. Псинка села, задрала голову и надрывно завыла, Хуч немедленно к ней присоединился. Через секунду в голос зарыдали и другие псы. Мне стало совсем не по себе, я схватила трубку и набрала номер лечебницы «Птица».

Перед тем как купить полис, мы, конечно же, внимательно изучили состав врачей, проверили диагностическую базу и в конце концов отправились в клинику под названием «Птица». Почему именно она выиграла наш семейный тендер? Там хорошие доктора, есть томографы и расположено медицинское учреждение в пяти минутах езды от Ложкина.

«Птица» не подвела, медики появились быстро. Врач присел около Жени, нахмурился, велел мне уйти и минут через десять крикнул:

– Хозяйка!

Я снова вошла в холл.

– Ей лучше?

– Я обязан вызвать полицию, – сухо произнес доктор, – смерть до прибытия.

Я попятилась.

– Евгения умерла?

– Да, – подтвердил доктор. – Аня, оформи все как надо, и поехали. Не копайся.

– А женщина? – испугалась я. – С ней что будет?

– Ждите полицию, – равнодушно сказал врач.

Мне стало страшно.

– Я одна дома.

– И что? – удивился врач.

– Вы же не можете больную… вот так… бросить, – залепетала я.

Доктор махнул рукой и вышел во двор.

– Она не больная, а скончавшаяся до прибытия, – повторила медсестра, торопливо заполняя какой-то бланк. – Ничего не трогайте. Не перемещайте тело. Полиция вам все объяснит.

– Мне страшно, – поежившись, произнесла я.

Девушка одернула куртку.

– Бояться надо живых. Труп никому ничего плохого не сделает. Пусть себе лежит.

– Вы меня тут одну с ней оставите? – запаниковала я.

– Женщина, у нас полно вызовов, – вздохнула медсестра, – мы обязаны людям помогать. Живым. А у вас все. Капец. Доктор очень хороший, но не Господь Бог. Умей он покойников воскрешать, на «Скорой» бы не работал.

Медсестра ушла, я секунду постояла в ступоре, потом выскочила во двор и позвонила Дегтяреву.

Иномарка полковника и серо-голубой автобус с его командой примчались до появления местных полицейских.

– Эй, ты где? – заорал Александр Михайлович.

– Здесь, – ответила я, выбираясь из своей малолитражки, – в автомобиле сидела, и все собаки со мной, забрала их из дома.

– Где, что, как, с кем случилось? Объясняй кратко, но четко, – потребовал толстяк.

– Домработница Женя Коробко приехала раньше времени, вошла в прихожую, попросила воды, испугалась Хуча и упала, – отрапортовала я.

– Вечно из-за тебя неприятности, – разозлился полковник.

Не пойми почему я начала оправдываться:

– Ничего плохого я не сделала.

– Впустила в дом постороннего человека, – продолжал негодовать Александр Михайлович. – Чего встали, рты разинули? Володька, чем занимаешься?

– Мафи чипсами угощаю, – честно ответил Гусев, с недавних пор вторая правая рука полковника.

– Фу! Хаваешь всякую дрянь, – мигом осудил его патологоанатом Леня, – знаешь, из чего их делают?

– На коробке написано: стопроцентный картофель и бекон, – объяснил Гусев.

– Наивняк, – засмеялся Леня, – прессованный крахмал и ароматизаторы. Сам жри, а Мафи не давай. Собака не человек, ей пакость есть не положено.

– Прекратите болтать, ступайте в дом, – приказал полковник, – займитесь делом. Маша обещала сегодня вернуться пораньше. Девочке сейчас никак нельзя нервничать, надо все закончить и увезти тело до ее появления. Мне нужен здоровый внук! Поняли? Дарья, стой у двери! Ать-два, шевелим ногами, руками и прочими частями тела, какие еще есть.

– Головой, – услужливо подсказал Леня, – хотя Вовка, с помощью нее только чипсы ест.

Дегтярев ушел в особняк. Леня открыл микроавтобус.

– Степа, пусть псы с тобой посидят. В Дашиной таратайке им, бедным, тесно.

– Конечно, – согласился водитель. – О! Мафи! Хучик! Привет вам, ребята! Ну вы прикольные, ваще!

– Откуда шофер знает имена собак? – удивилась я, когда парень закрыл дверь минивэна.

– Он на Инстаграм Дегтярева подписан, – пояснил патологоанатом.

– У полковника есть страница в интернете? – поразилась я.

– Ты не знаешь? – в свою очередь удивился Леонид и рассмеялся. – Он там зарегистрирован под именем «Саша Крут». Такие прикольные фотки. Набрал кучу подписчиков. Думает, что никто из нас понятия об его активности в

интернете не знает. Уж не помню, кто Александра Михайловича первым нашел, но теперь все на него подписались. Ой, ты там такая смешная! Слушай, купи себе новый халат. Голубой с собачками тебе не по возрасту. Жена должна дома шикарно выглядеть, а ты в каком-то дурацком дешевом сраме. Этак Маневин вмиг от тебя слиняет.

Криминалист Раиса, до сих пор молча слушавшая наш разговор, решила высказать собственное мнение.

– Дашута, не слушай Леньку! Мастак он чужим бабам советы давать. Пусть свою воспитывает. Можно подумать, его Ленка в бальном платье дома в сортир ходит. Слушай, вчера Александр Михайлович выставил в Инстаграм медовый рулет, который он к ужину испек. Можешь мне рецептик дать, а?

Я только ошалело моргала. У толстяка есть Инстаграм? Вся полиция страны любуется на меня в халате? Да, лет десять назад я купила в Париже в каком-то магазинчике в районе Сен-Жермен шлафрок. На нем были изображены собачки разных пород в красивых нарядах. Симпатичную вещь отдавали за скромную цену, на ней отсутствовал ярлык какой-либо известной фирмы. Принт со временем слегка полинял, обшлага у рукавов обтрепались, но моя любовь к халатику не потускнела. И о каком медовом рулете говорит Рая? Дегтярев вообще не умеет готовить!

– Я его спросить не могу, – трещала криминалист, – мы все договорились молчать, что в его Инстаграме пасемся, иначе он нас в блок отправит. И ты смотри, не трепись. Но рецептик-то получить охота.

Водитель открыл окно микроавтобуса.

– Да это не полковник испек, а супербэби, его невеста, он ее часто репостит.

Я окончательно перестала понимать происходящее. Что такое репостить? Про Инстаграм я слышала, но сама им никогда не пользуюсь, я не пловец в море интернета. Супербэби? Невеста? Чья?

– Чья невеста супербэби? – повторил вдруг Леня.

Сомнительно, что Кравцов способен читать мысли, наверное, я выразила недоумение вслух и не заметила этого.

– Александра Михайловича, – весело ответила Рая. – Все ждут, когда они свадьбу сыграют.

Забыв, что на улице декабрь, я села на ступеньки. Толстяк собрался заключить с кем-то брак? Я сплю и во сне брежу?

– Прошу прощения, господа, – произнес приятный баритон, и в зоне видимости появился стройный высокий брюнет в темных брюках и дубленке, – я ищу особняк госпожи Васильевой.

– Вы прямо у дома, – кивнул Леня, – а хозяйка перед вами.

Я встала.

– Добрый день. Вы кто?

– Разрешите представиться, – церемонно произнес незнакомец, – Женя Коробко. Домашний работник. Прислан из агентства. Готов приступить к работе прямо сейчас.

– Вы мужчина? – брякнула я.

– Да, – подтвердил брюнет.

– А кто тогда в прихожей у нас лежит? – жалобно пропищала я.

– Разрешите войти в коттедж? – спросил Коробко.

– Нет, – отрезал Леня, – туда пока нельзя. В холле труп. Я его еще не осмотрел. Пошли, Рая.

Евгений не испугался, а спокойно спросил:

– Кто-то умер?

– Да, – пробормотала я, – думала, это Женя Коробко. Ох, простите. Не знаю, кто скончался.

Глава 3

– До приезда Маши надо все убрать, помыть и ужинать с таким видом, будто ничего не случилось, – приказал Дегтярев, садясь в машину. – Тебе ясно?

– Конечно, – пробормотала я. – А кто эта несчастная?

– Понятия не имею, – буркнул полковник, захлопывая дверь, – документов никаких. Карманы пустые.

– Мужики обожают паспорт в брюки или пиджак засунуть, а у каждой приличной женщины при себе всегда есть сумочка, – заметила Рая, глядя вслед автомобилю Дегтярева.

– Женя пришла с пустыми руками, – вспомнила я.

– Это не Коробко, – возразил Леонид.

Я поежилась.

– Надо же как-то беднягу называть.

– Володя сейчас опрашивает охрану, – сказал Леня, – наверное, это чья-то домработница. Или няня!

– Тогда чего она к Даше приперлась? А? – тут же ринулась в атаку Рая. – Нет! Баба чужая. Не из поселка.

– Почему ты так решила? – поморщился патологоанатом.

Раиса шмыгнула носом.

– Сам подумай. Особняк Васильевой последний на улице.

– Как бы не так, – возразил Леня, – за ним еще два дома. Верно?

– Да, – согласилась я, – но вы оба правы. Семьи, которым принадлежат эти особняки, давно живут за границей. На их участках никого нет.

– Вот и я о том же, – обрадовалась Рая, – труп был в лесу. Может, грибы собирал!

– В декабре? – без тени улыбки спросил Леня. – Зимние лисички? Или новогодние белые? Удобно, конечно, сразу замороженными их срезать и сохранить на голодный день.

– Ей стало плохо, – не обращая внимания на ехидство патологоанатома, продолжала эксперт, – бедолага пошла за помощью в поселок. Первые дома, которые ей по дороге попались, оказались закрыты, поэтому она сунулась к Даше. На подошвах сапог неизвестной иголки от елок, грязь, остатки засохших растений. Мусор из леса. Нынешний декабрь у нас без снега.

– Вокруг посмотри, – велел Леонид, – елки на каждом углу. Вон, у Даши их сколько у дома. Твои улики не доказывают, что тетка из леса вышла. И, если я правильно помню, вокруг Ложкина сплошной забор. Калитки нет. Так ведь?

Я молча кивнула.

– Едем или болтаем? – зевнул шофер.

– Гони лошадей, – приказал Леонид.

Когда микроавтобус выкатился из двора на дорогу, я закрыла ворота, решила войти в дом через другую, не парадную, дверь и услышала мужской голос:

– Ой, любезный друг, не вырывайтесь, вам туда точно не надо.

Я обернулась, увидела, что Женя несет на руках Мафи, и забеспокоилась:

– Что случилось?

– Там под деревьями перья разбросаны, – объяснил Коробко, – наверное, больная птица потеряла. А он хотел в них порыться. Еще подцепит инфекцию.

– Это девочка, – объяснила я, – зовут ее Мафи. Вы правы, попадаются нездоровые пернатые, но, скорей всего, это опять сойки подрались, они вечно выясняют отношения, только пух и перья в разные стороны летят. Любите собак?

– Да, – кивнул Женя, – от последнего хозяина я ушел, потому что тот на моих глазах ударил ногой пуделька. Бедолага ему ботинок случайно исцарапал. О! У вас еще мопс? Обожаю их. Инопланетные создания. Как вас зовут, сэр?

– Хуч, – улыбнулась я, – имейте в виду, он очень хитрый, обожает прикидываться погибающим от голода. Когда сделаете себе бутерброд с сыром, Хучик будет смотреть на вас глазами, полными слез. Главное в этот момент вспомнить, что объем талии «умирающего» от недоедания скоро совпадет с размером холодильника, и строго сказать: «Собаки едят два раза в день».

– У моего прежнего хозяина, не того, что пуделя ударил, а у человека, у которого я много лет проработал, жили четыре мопса, – объяснил Коробко, – я знаю все их штучки. Разрешите рассказать о себе? У меня высшее образование, окончил факультет гостиничного дела университета КЮСА.

Мне эта аббревиатура была неизвестна, но уточнять я не стала.

– Я неоднократный победитель международных конкурсов домашнего хозяйства, имею диплом повара. Владею всей бытовой техникой. Свободно изъясняюсь на трех европейских языках. Готов один обслужить прием, но тридцать человек предел. С большим количеством гостей я не справлюсь, на этот случай у меня есть контакты недорогой фирмы, которая предоставляет официантов. Ухаживаю за гардеробом. Естественно, стираю, глажу, навожу порядок, обеспечиваю оптимальный режим экономии вашего времени.

– А это что? – заинтересовалась я.

Женя отпустил Мафи.

– Утром вы встали, собираетесь уезжать на работу. Идете в ванную и не можете найти крем для лица, расческу, мечетесь в поисках, нервничаете, наконец отыскали и кинулись в гардеробную. Где платье? Какие туфли к нему подобрать? Сумочку? Серьги? В конечном результате опоздали на важную встречу. А что сделаю я? В санузле каждая вещь всегда будет на жестко фиксированном месте, ваши руки сами собой привычно туда потянутся. Юбку, блузку и прочее приготовлю с вечера, утром вам придется лишь взять все вешалки. Не поверите, сколько времени высвободится… О, боги! Что это? Откуда столько странного мусора? Вот эти крохотные обертки? Они от чего? Никогда таких не видел.

– Это следы пребывания группы экспертов, Рая открывала мешки для улик, они стерильные, в пакетах, – вздохнула я, – сейчас уберу.

– Оденьтесь потеплее, подышите свежим воздухом, – остановил мой порыв Женя, – после перенесенного стресса необходимо успокоить нервную систему. Мне хватит полчаса, чтобы навести в холле порядок.

– Вы у нас еще не работаете, – напомнила я.

– И что? – удивился Коробко. – Я вижу женщину, которой нанесли тяжелую моральную травму. Да любой мужчина в такой ситуации обязан помочь слабой даме. Хотя некоторые расслабляются с веником в руках.

– При виде пылесоса и швабры я не испытываю ни малейшей радости и не обретаю душевное спокойствие, – призналась я.

– Вот и совершите променад, – улыбнулся Женя, – за тридцать минут я уничтожу безобразие. Когда моего первого хозяина арестовали за мошенничество в особо крупных размерах, я выкинутые на пол из шкафов вещи собирал. Серый порошок отмывал, на редкость въедливая пыль. Полицейские весьма неаккуратны, ничего на место не возвращают. Но у вас я быстро справлюсь.

Я схватила с полки первую попавшуюся под руку шапку и нахлобучила ее на голову.

– Спасибо.

– Простите, Дарья, – извинился Женя, – я обратился к вам по имени без отчества не из фамильярности. В агентстве меня предупредили: хозяйка просит звать ее просто по имени. Вязаный колпачок… он…

– Что не так? – удивилась я и посмотрела в зеркало. – Вроде головной убор без дырок, пятен…

– На вас красивая голубая куртка, она очень подходит к вашим глазам, – похвалил Евгений, – а шапочка кислотно-розовая, ядовитая, это не ваш цвет. Возьмите лучше вон ту белую с синей полосой. Получите хороший лук.

Я хотела ответить, что мне все равно в чем бродить по поселку, но почему-то послушалась.

– Вы красавица! – воскликнул Коробко, когда я совершила обмен. – Подчас маленькая деталь делает весь облик.

Глава 4

Выйдя из ворот, я пошла по дороге мимо двух пустых домов, добралась до забора, который отделяет Ложкино от леса, и увидела, что от одной камеры, установленной на столбе, свисает обрывок шнура. Я вынула мобильный и позвонила охране.

– Знаем, – лениво ответил мужской голос, – видеонаблюдение не работает. Хулиганье постаралось. Временно не видим одну часть забора.

– Давно это случилось? – поинтересовалась я.

– Ну… вчера, – протянул секьюрити.

– И до сих пор не починили? – удивилась я.

– А мы че? Мы ниче, – забубнил секьюрити, – заявку в администрацию подали, там оформили. Мастер обещал завтра прикатить. В течение дня.

– Почему ремонтник сразу не прибыл? – не успокаиваюсь я.

– Так завтра явится, – повторили в трубке.

– Почему не сразу? – упорно повторила я. – Забор остался без охраны.

– Не я мастера вызывал, – объяснил дежурный, – другая смена. К ней претензии предъявляйте.

Но я не отставала:

– Вас не волнует, что любой человек может на территорию проникнуть?

– Два раза в день осматриваем периметр. В девять утра и в двадцать один час. Попыток перелаза через изгородь не зафиксировано, – проорали из трубки.

– А если злоумышленник в обед решит забор штурмовать? Как вы его заметите? – не утихала я.

– Обращайтесь к начальнику, – увильнул от прямого ответа парень, – звоните в шестнадцать.

– Почему не сейчас?

– Обед у него. До четырех всегда.

Я запихнула трубку в карман. Теперь понятно, почему главный секьюрити Ложкина похож на слонопотама. Он любит трапезничать по несколько часов.

Мой взгляд опять наткнулся на камеры, и я призадумалась.

Вокруг Ложкина раскинулось несколько деревень. Когда поселок только построился, отношения с местными жителями не сложились, они, мягко говоря,

нас невзлюбили. К коменданту поселка явилась делегация от коренного населения и потребовала свободного доступа на все участки леса.

– Мы там триста лет грибы-ягоды собираем, коров пасем, рыбу ловим, – заявили мужики. – Промежду прочим, севрюгу из реки вытаскиваем пудовую. Или ходим, как всегда, где хотим с корзинками-удочками, или давайте нам деньги на покупку еды. По тысяче долларов на избу. В селах все бедные, живем на подножном корму. А вы, богатые, лес наш отняли.

Доводы о том, что буренки между деревьями не гуляют и осетровые в местном водоеме никогда не жили, не подействовали. Пару лет аборигены самозабвенно вредили ложкинцам, перекусывали электропровода, залезали по ночам в поселок и хулиганили, ломали детскую площадку, били окна в домах. А потом Максим Рагозин ехал поздно вечером домой и увидел, что на обочине лежит женщина. Макс притормозил, вышел и понял, что у несчастной инфаркт. Рагозин врач, в автомобиле у него всегда есть тревожный чемоданчик. Он сделал нужные уколы и отвез незнакомку в кардиоцентр, благо до него от нас рукой подать.

Тетушка оказалась матерью главного хулигана, который регулярно совершал с товарищами набеги на поселок. Парень пришел благодарить Макса, выпил с ним рюмку…

С того дня боевые действия прекратились. Местные жители стали наниматься на службу к ложкинцам. Мы за свой счет провели им магистральный газ, Макс лечит всю округу, большинство сельских детей посещает бесплатно центр «Обучайка», который функционирует в поселке. Я знаю всех обитателей сел по именам, а продавщица местного магазина, увидев меня, бормочет:

– Погодьте, Даша, для наших у меня свежие батоны заныканы. На прилавке вчерашние, они для проезжающих мимо.

Когда мы праздновали юбилей Ложкина, дед Василий, наш старожил, сказал проникновенно со сцены: «Сначала вы мне гадами-богатеями показались. А теперь как внуки любимые стали».

Поэтому я очень сомневаюсь, что камеры повредили местные подростки.

За спиной послышался скрип, я обернулась и попятилась. У высокого и, как казалось, монолитного забора за моей спиной внезапно отошла одна часть. Потом кусок изгороди выдвинулся вперед, в образовавшуюся щель пролез мужчина в камуфляжной куртке и низко надвинутой на лоб шапке. Я хотела закричать: «Помогите», но потеряла дар речи. Незнакомец заметил меня и сказал:

– Здрасcти! Не пугайтесь. Я свой.

– Валера! – выдохнула я. – Фуу! Носов, как вы забор отодвинули?

Рабочий показал на один из пустых домов.

– Семен Михайлович меня нанял за порядком глядеть. Участок его осматриваю постоянно, особняк проверяю. Бурков в Лондоне живет, а подмосковный коттедж я топлю, чтобы не вымерз. Сегодня утром, как всегда, я внутри побывал, затем обход прилегающих территорий начал. Особняк крайний у леса, мало ли что.

И вон!

Мастер показал на камеру.

– Шнур отрезан. Я забеспокоился. Бурков дом на охрану поставил, да пока она на сигнал причапает, много чего спереть можно. За наших местных взрослых головой ручаюсь, и дети такое не сделают. Меня забор высоченный встревожил.

Валерий подошел к гладкому щиту.

– Видите?

Я приблизилась к Носову.

– Что?

– Царапины. Знаете, откуда они?

– Даже не догадываюсь, – вздохнула я.

Валерий вынул пачку сигарет, повертел в руках и спрятал назад.

– Заграждение надежное. Тем, кто просто набезобразничать решил, шансов перебраться через него нет. Ну, знаете, как бывает у дураков: выпили – и потянуло их на подвиги. У таких «героев» ничего не получится. Не перелезут. А вот если профессионал… Против лома нет приема. Есть оборудование. Разное. Например, крюк забрасывается, цепляется за край забора, вниз свисает трос. Вы по нему забираетесь. Этот забор покрыт специальным антиальпинистским составом, ноги на нем скользят быстрее, чем на льду. Так придумали особые кроссовки с подошвами типа терка. Царапины на панели от них. Какой-то человек, явно не подросток (где ребенку деньги на дорогие ухищрения взять), влез наверх, потом спустился. Зачем он так поступил?

– Перерезал кабели, – предположила я.

– Неверно, – возразил Валера, – видеонаблюдение же в тот момент работало. Секьюрити заметили бы «альпиниста» и прилетели бы сюда. Мужик сначала камеру отключил.

– Как? – удивилась я.

Валерий застегнул молнию на куртке до подбородка.

– Сейчас чего только не напридумывали. Спрос есть? Точно найдете нужное. Продается типа… ну, как вам растолковать-то… э… вроде пистолета. Пуляет дисками острыми, как бритва. Прицеливаешься… бах! Шнур перебит.

– Никогда не слышала о таком, – поразилась я.

– Вы же не мастер воровских наук, – снисходительно заметил Валера. – Зачем вам о прибамбасах грабителей знать? Думаю, так оно станцевалось. Мужик камеру из строя вывел, потом наверх залез. Зачем? Я начал осматриваться, заметил в грязи у забора крупинки. Видите?

– Нет, – призналась я.

– Ну и не надо вам, – засмеялся наш мастер на все руки, – типа калитку гад сделал. Сверху распилил забор. От инструмента сыпалась крошка, он о ней не подумал и не убрал. В остальном чисто сработал. Хотя я бы на его месте царапины полирнул спреем и ошметки от резака собрал. Но парнишка умелый, видать, не впервой ему такое. Настоящий проходчик, а не лохня, которая себя за мастера выдает.

– Кто? – опять не сообразила я.

– В мое детство в райполиклинике работал один педиатр, – задумчиво протянул Валера, – он ребенка целиком смотрел и говорил: «Горло красное, живот плохой, простуда и понос. Вот вам рецепт на полоскание и таблетки». На прошлой неделе попросила меня соседка ее годовалого внучка к врачу отвезти и помочь ей с ним в клинике. Сопли у пацана рекой, хнычет, пять раз покакал. Бабушка пожилая, мать с работы не отпускают. Поехали мы, значит. Думаете, ребенка один доктор осмотрел? Фигушки. Сначала к лору отправили, потом к гастроэнтерологу, следом к общему терапевту. Каждый свое выписал. Восемь лекарств. Вот так сейчас. Ухо-горло-носу не ведомо, что врач по какашкам посоветовал. Аж два антибиотика! А денег троим отдай. Называется: специализация. Она нынче повсюду. Мама моя парикмахером всю жизнь работала, волосы клиентам красила, стригла, укладывала, химию накручивала и еще брови с ресницами чернила. А современные стилисты каждый свое делает. И всем надо по чеку платить и в карман чаевые пихнуть. Специализация. По мне так это надо назвать: грабителизация. Придумана, чтобы у людей деньжата откусить.

– Валера, что с забором? – остановила я вал негодования Носова.

– Так у ворюг специализация тоже объявилась, – пропыхтел тот, – чтоб ей пусто было. Прежде тот, кто в дом лез, сам решетки на окнах ломал. Сейчас молодежь избалована. Вор проходчика наймет, он ему проход организует, поэтому так и называется.

Я решила суммировать услышанное.

– Кто-то пригласил человека, который сделал для него в заборе нечто вроде калитки?

– Похоже на то, – согласился Валерий, – и… вот еще… неохота, конечно, такое говорить… На воротах у вас разные люди стоят. Некрасиво на них баллон катить. И доказательств нет…

– Умелец с крюком и резаком в сговоре с кем-то из секьюрити? – остановила я Валерия. – Почему вы пришли к такому выводу?

– Умом пораскинул, – объяснил Валерий, – на бутылку спорю, что вчера вечером видеозыринг умер. Даже время точно назову: двадцать один десять. Хотите проверить?

Мне стало любопытно, поэтому я снова связалась с проходной.

– Плотников, – заорали из трубки.

– Васильева, – представилась я, – пять минут назад вы сказали, что камеры на заборе вчера сломались. Можете точное время назвать?

– Двадцать один восемь, – после небольшой паузы сообщил дежурный.

Я посмотрела на Валерия.

– Точно угадали!

Носов постучал себя пальцем по лбу.

– Угадки – пустое занятие. Главное мозг! В девять вечера дневная смена уходит, заступает ночная. Примерно минут пятнадцать, а то и больше люди на мониторы не глядят. Одни дежурство сдают, другие принимают, ну, поболтают потом о пустяках. Служебная маршрутка от метро сюда служащих в девять вечера доставляет, а через полчаса тех, кто закончил, к подземке везет. Пока парни языки чешут, тридцать минут поселок без присмотра остается. Это как в больнице. Если по «Скорой» тебя в пересменок доставили, подохнешь, пока врач появится. Один доктор халат уже снял, другой еще не надел.

– Тогда подозрения с охраны снимаются, – возразила я, – кто-то воспользовался междуцарствием и перебил шнур.

– Может, и так, – согласился Валерий, – но кто-то же преступнику подсказал время, когда лучше всего безобразничать. Ну, значит, увидел я, что кабель перебит, заметил опилки. Скумекал: в изгороди «калитка» появилась, и решил глянуть, чего там, в лесу. За каким таким интересом туда постороннему надо? Только пролез, слышу шаги в поселке, потом голос женский. Вот я и вернулся.

– Ой, а правда, зачем преступнику в лес понадобилось? – спросила я. – Вы там еще не были?

– Не успел, – ответил Валера, – только через щель пролез, как вы подошли.

– Давайте поглядим, что там? – предложила я. – Очень интересно, а одной боязно.

– Грязно там, – поморщился Валерий, – у вас сапожки красивые, замараете.

– Ерунда, – отмахнулась я, – они для прогулок, не жалко их испачкать.

– Сыро, – поежился Носов, – замерзнете.

– Нет, нет, я тепло одета, – возразила я. – Прямо сгораю от любопытства, что же за забором? Не первый год живу в Ложкине, но ни разу по лесу не гуляла.

Моя настойчивость объяснялась простой причиной. Я подозревала, что умершая в нашем холле незнакомка явилась из леса. «Калитка» в заборе укрепила меня в правоте моих предположений. Надо изучить местность. Но одной идти в еловый лес страшно. А тут случайно нашелся спутник. Пару минут я уговаривала Носова пройтись по лесу, и тот в конце концов сдался.

Глава 5

Мы пошли по узкой тропинке.

– Ну и грязь тут, – поморщился мой спутник, – давайте вернемся, пока далеко не ушли.

– Нет, – твердо возразила я. – Зачем столько сложностей, проникать в поселок, кромсать забор, неужели в лес по-другому не попасть?

– Не-а, – поежился Валера, – с другой стороны никто не попрет. Проклятое место. Местные точно побоятся. А посторонние заблудятся. Вы что, ничего про жуть не знаете?

– Нет, – ответила я, – никогда не думала о лесе. Слышала, что за ним река течет, вроде большая.

– Ага! Москва называется, – рассмеялся мой спутник, – переплыть с противоположной стороны ее трудно, потому что широкая она тут. Если мороз крепкий, можно по льду перейти, но сейчас-то декабрь, как осень. Сверху прихватило, да корочка тонкая, ломкая. Шагнешь, и пиши пропало. Но не в реке дело, через нее, если в голову втемяшится, перебраться можно. И где окажешься, когда водную артерию форсируешь? В лесу. Он большой, и никто за ним теперь не следит, подлеска полно, повалышей, сухостоя. Мобильник не пашет, не дай бог, упадешь, ногу сломаешь, тогда крантяк. Группой надо идти, одному стремно. И знать, куда направляешься. Заблудиться ничего не стоит. Даже дед Осип, который раньше лесником служил, и то один раз заплутал, когда со стороны реки шел. А уж он местность лучше своего огорода знал. Почему с Осипом такое случилось? Место это проклятое. Никто из наших сюда не сунется. Графа побоятся. От реки без шансов в целости-сохранности до его дома добраться. Закрутит помещик незваного гостя, уведет в чащу и погубит. От вашего поселка до развалин замка рукой подать. Но местные жители, когда грибы-ягоды собирали, к дьявольским камням не шастали, они корзинки на территории нынешнего Ложкина набирали.

Валерий усмехнулся.

– В деревне моя бабушка жила. Меня ей на все лето дарили. Но и в холодное время, в выходные я постоянно с родителями к ней катался. Поэтому среди пацанов местным считался, не городским пришельцем. У подростков было испытание. Следовало доказать свою храбрость. Как? Отправиться днем к замку. Я экзамен выдержал. А Андрей Михов нет, отказался он к графу в гости

заглянуть, теоретическую базу под свою трусость подвел. Дескать, я не корова, чтобы стадом ходить. И его трусом обозвали. Андрюха закричал: «Значит, я трусливый заяц? Лады. Отправлюсь туда ночью, не при солнечном свете! Принесу из замка что-нибудь в доказательство, что я там был».

И приволок ветку, его все оборжали, снова трусом обозвали и вруном в придачу. Такие палки в лесу повсюду валяются. А меня черт за язык дернул: «Я вот не побоюсь! Захвачу что-нибудь с кухни графа». В полночь меня товарищи до опушки проводили, дальше я один двинул. Чуть от страха не обделался, но назад-то пути нет, вернусь с пустыми руками – клеймо «сыкушник» на всю жизнь получу. Достиг я развалин, вошел внутрь, фонариком посветил. В одной комнате пусто, в другой тоже. В третьей нашел чашку, подумал – железная. И назад опрометью. Героем стал. Домой кружку доставил, бабушка, как увидела ее, за ремень схватилась. Живо сообразила, где кружка раньше жила.

Валерий почесал переносицу.

– У бабули-то ремень офицерский, с пряжкой. Неделю я сесть не мог. Сейчас понимаю: она за внука испугалась. Лес-то бедой пропитан. Хотите взглянуть на развалины? Издали?

– Давайте, – кивнула я. – А почему лес проклятым называете?

– Дед Осип детям эту историю часто рассказывал, – вздохнув, произнес Валерий.

Я шагала рядом с Носовым, внимательно его слушая.

В незапамятные времена, бог весть в каком году, царь-государь поймал графа Филиппа Юсупова на краже средств из казны. Времена стояли суровые, графа собрались казнить, бросили в острог, Юсупов стал молить Богородицу о спасении своей жизни. Дева Мария сжалилась над ним, явилась ему во сне и велела:

– Прими монашеский постриг, возведи в лесу обитель, сделай в ней приют для больных бездомных. Посели там тех, кого никто лечить не хочет, прояви о них заботу.

И что оставалось делать графу? На тот свет он не спешил, поэтому пообещал Божьей Матери подчиниться ее воле. На следующий день царь неожиданно помиловал казнокрада. Граф возвел небольшой монастырь и больницу. В клинике лечили бродяг с туберкулезом, сумасшедших, сифилитиков. Очень скоро вокруг больницы возникло кладбище. Обитель работала до тридцатых годов прошлого века. В столице закрыли почти все церкви, разграбили Марфо-Мариинскую Обитель Милосердия, а ее настоятельницу святую Елисавету отправили в ссылку, потом сбросили игуменью в рудник близ Алапаевска. А пустынь графа находилась в медвежьем углу, дела до нее никому не было. Про монастырь в лесу большевики забыли, но потом пришел и его черед. Монахов кого расстреляли, кого прогнали, из госпиталя сделали приют для детей, чьих родителей большевики казнили. Обращались с малышами плохо, кладбище в лесу стало намного больше.

В конце сороковых интернат прекратил свое существование, лет десять он ветшал, потом его превратили в психиатрическую лечебницу, она работала до конца девяностых, затем закрылась.

Нынче в лесу можно увидеть лишь развалины дома, который местный народ зовет графским. А на берегу реки до сих пор ветшает здание, где сначала жили больные, потом сироты, затем умалишенные. Понимаете, какая аура у местности?

Современные жители окрестных деревень узнали историю развалин от своих бабушек, а тем ее поведали родители. Что правда, что ложь, спустя века узнать невозможно. Местные старики внушают внукам с пеленок:

– Там зараза. Пойдешь за сокровищем, подцепишь страшную болезнь. Или привидение встретишь. Призраки злые, потому что это души сумасшедших, коммунистов, безбожников, тех, кто храмы рушил.

О каком кладе идет речь? У каждых мало-мальски уважающих себя руин есть легенда о хозяевах, которые, убегая от большевиков, войск Наполеона, от гнева царя Ивана Грозного, Петра Первого, татаро-монгольского ига, Всемирного потопа (выбирайте, что вам более всего по вкусу), зарыли в саду, лесу, на кладбище, в местном храме все свои многочисленные драгоценности. Многие из тех, кто в детстве жил летом в деревне у родственников, могут рассказать подобную историю. Семилетняя Дашенька, приезжая с бабушкой на лето в село Глебовка, бегала с местными ребятами в разрушенный храм. Мы там искали

золотую чашу с бриллиантами, договорились, как поделим их. Лично я строила большие планы, мне до трясучки хотелось иметь немецкую куклу, которая умеет закрывать глаза, говорить «ма-ма». А еще я собиралась купить два кило сливочных тянучек и теплую шаль для бабушки, очень надеялась, что моей доли алмазов на все хватит. Почему дети решили, что в церкви спрятаны сокровища? А нам сказала Лида, которая постоянно жила в Глебовке и знала все местные тайны.

– Сумка! – с изумлением воскликнул Валерий. – Откуда она?

Я вынырнула из воспоминаний.

– Что?

Валерий показал на большой куст.

– Вон висит.

В ту же секунду я заметила небольшую темно-синюю торбочку на длинном ремне, схватила ее и открыла. Внутри увидела губную помаду и несколько визиток с фотографией. Я сразу узнала женщину, которая умерла в холле нашего дома. Ее звали Вероника Глебовна Невзорова.

– Значит, она отсюда пришла, – пробормотала я, – интересно, что эта Невзорова тут делала? Далеко до дома графа?

– Меньше пяти минут ходу, – заверил Валерий, двигаясь вперед.

– Там кладбище, – испугалась я, спеша за ним, – сейчас день, а здесь из-за высоких густых елей темно. Даже вдвоем жутко.

– Покойники тихие, – усмехнулся Валера.

– Видите памятник? – прошептала я. – Большой камень! На нем видна фамилия, имя, отчество. Золотом написано Капельфан Модест Модестович. И год указан. Тысяча семьсот десятый. А там еще несколько маленьких камней, на них кресты нарисованы. Отсюда не видно, для кого они поставлены. Грустно оказаться на

заброшенном, никому не нужном погосте. Сплошное запустение. Похоже, сюда давно никто не заглядывал.

– Что за черт! – прервал меня Носов.

Он так резко остановился, что я ткнулась носом в его спину. Валерий сделал несколько шагов вперед, я последовала за ним, увидела небольшую ямку и мужчину, который лежал лицом вниз. Около него валялось несколько грязных дисков, похожих на маленькие блюдца.

– Не двигайтесь, – велел Валерий. – Эй, парень! Ау!

Ответа не последовало.

– Он, похоже, умер, – прошептала я, – женщина, которая к нам в дом прибежала, его нашла или с ним была, испугалась, понеслась за помощью… Надо вызвать Дегтярева. Ой, у меня голова сильно кружится. Можно, я возьму вас за руку?

– Мобильные в лесу не пашут, – сказал Носов, – быстро назад.

Глава 6

Не помню, как я добралась до дома. Вроде Валерий довел меня до крыльца и, кажется, Евгений открыл дверь. Дальше провал. Очнулась я на кровати в своей комнате, на тумбочке стояла чашка с остатками чая, лежал детектив Смоляковой. Я была в джинсах и свитере, только носки с меня заботливо сняли и прикрыли пледом. В первую секунду я не поняла: сейчас утро, вечер? Почему я одета так, словно собралась на улицу? И тут мне вспомнился поход в лес. Я села. Как сохранить в тайне от Манюни все, что произошло? Нельзя нервировать девочку, которая готовится стать матерью. А поскольку Юра мог проболтаться жене, то мы с Александром Михайловичем в тот момент, когда полковник уезжал со своей бригадой, решили ему тоже ничего не сообщать. Но ведь в поселке есть охрана, которая может рассказать местным шоферам и горничным о происшествии. Есть соседи, например, не страдающая излишней деликатностью Нина Косова, она может остановить Машу и Юру, когда те

пойдут погулять, и поинтересоваться: «А кто у вас в доме умер?»

Я потрясла головой. Труп в лесу! Надо срочно позвонить Дегтяреву! Я схватила трубку. «Телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Я вскочила, вышла из спальни и побежала по лестнице с криком:

– Женя! Ни в коем случае не говорите никому про труп в холле, Маша не должна знать…

Договорить я не успела, потому что очутилась в столовой, где увидела Манюню, Юру, Дегтярева и всех собак вместе с вороном Гектором.

– Труп? – воскликнула Маша. – Чей?

– Э… э… э… – пробормотала я, – ну… случайно… я увидела на кухне…

И тут, на мое счастье, из зоны кухни в столовую выплыл Женя. Вид Коробко меня потряс. На нем красовался бирюзовый сюртук с синими лацканами, бриджи цвета спелого баклажана заканчивались чуть пониже колен, далее шли белые чулки и ботинки того же цвета на толстой подошве и каблуке. Штиблеты украшали блестящие пряжки. На голове парня сидел парик с буклями.

– Просто реклама шоколада «Французский шик», – неожиданно заявил Юра, из которого обычно слова не вытянешь.

– Лапен с микроглобато в андалузском соусе, с ягодами червленой сливы, – объявил Коробко и водрузил на стол блюдо, закрытое никелированной крышкой.

– Ух ты! У нас есть такая посуда, – изумилась Маша. – Мусик, а где она хранится?

– Впервые вижу эту утварь, – призналась я. – Женя, где вы нашли ее?

– В дальних кладовках, – доложил Коробко.

– Звучит, как в сказке, – хмыкнула Манюня, – в дальних кладовках, за тридевять земель, у самого синего моря.

– У нас есть дальние кладовки? – поразилась я. – Где вы их нашли?

– Потом выяснишь, что в особняке хранится, – остановил меня Дегтярев. – Уважаемый… э…

– Женя, – подсказал Коробко.

– Что такое папен? – осведомился полковник.

– Лапен, – поправила я, – что на суахили французов означает кролик, а вот про микроглобато я ничего не знаю.

– Не хочу червивую сливу, – встрепенулась Маша, – фрукты с паразитами отнюдь не любимый мною гастрономический изыск.

– Микроглобато – тефтельки из рисовой муки и грибов, – объяснил Женя и поднял крышку, – к ним чернослив, тушенный в сливочном масле.

– Ух ты! – пришел в восторг Юра. – Те, кто до вас в Ложкине работал, умели только картошку варить.

– Причем до полуготовности, – пробурчал Дегтярев и взял вилку, – снаружи она разваливалась, а внутри походила на бильярдный шар по вкусу.

– Ты грыз шары? – засмеялась Маша. – Теперь понятно, куда они подевались со стола, включая кии.

Полковник нацелился на кусок кролика, но Женя взял блюдо, обошел стол и положил Дегтяреву выбранную им ножку, потом подошел к Маше с вопросом:

– Какую часть лапена желаете?

Спустя пять минут в столовой воцарилась полная тишина, прерываемая лишь чавканьем домочадцев. Потом я воскликнула:

– Вы гениально готовите!

– Благодарю за чрезмерно положительную оценку моих скромных стараний, – потупился Коробко, – и прошу прощения за простое блюдо к ужину, для создания настоящего изыска мне не хватило времени.

– Восхитительно! – протянул Дегтярев.

– Невероятно, – подхватила Манюня.

– Зачетно, – заметил Юра.

Женя метнулся на кухню со словами:

– Теперь пирог «Мария Антуанетта».

– Он в меня точно не влезет, – вздохнула Маша.

– Заварной крем, малина, меренги и шоколад, – пропел Коробко, водружая в центре стола подставку с тортом.

– Фарфорина на ножке в виде ангелочка тоже из дальних кладовок? – поинтересовалась Манюня.

– Нет, из средних, – совершенно серьезно ответил Коробко, – я нашел там прелестные скатерти с ручной вышивкой. Если Дарья разрешит, постелю их завтра.

Я опешила. Скатерти с ручной вышивкой? Средние кладовки? Где это все Евгений обнаружил? Совершенно не помню, когда приобретала эти вещи. Хотя, наверное, нам их дарили на дни рождения или Новый год. До сих пор никто из домработниц не использовал эту красоту.

– Мусик, – простонала Маша, орудуя ложкой, – такие меренги я даже в Париже не ела. И в Милане их хуже делают. Где Женя?

– Куда-то делся, – ответила я.

– Мы его оставляем, – отрезал Дегтярев, – хочу лапена вкушать каждый день. И торт. И червивые сливы.

– Червленые, – поправила я, – это слово давно устарело, оно означает: красный, багряный. Сливу, похоже, в духовке приготовили.

Через полчаса я поднялась в свою комнату и снова лишилась дара речи. Кровать была разобрана, и я не узнала постельное белье. Оно оказалось нежно-бежевым с золотистой каймой. На одном «ушке» наволочки был вышит вензель «ДВ». Одеяло походило на облако, подушки взбили, на тумбочке лежал новый детектив Смоляковой, стояли очаровательная чашка, разрисованная зайками, и матерчатая грелка в виде кошки. Я подняла ее, под ней был маленький чайничек. Женя заварил мне напиток из мелиссы, ромашки и еще чего-то такого, что французы называют «тизан» и пьют на ночь от бессонницы.

Не успела я осмотреть свою спальню, как ко мне вошла Маша в халате.

– Мусик! У нас с Юрой какая-то оргия порядка. В ванной банки, флаконы, бутылки с шампунями выстроены по ранжиру. В гардеробной брюки-рубашки-юбки-платья висят комплектами. Следует признать, что мне до сих пор не приходило в голову надеть вместе с бордовой юбкой свитер с принтом в виде зайца. Но получилось хорошо.

В комнате появился Юра и, как всегда, ничего не сказал.

– Какой у тебя красивый пеньюар, – восхитилась я. – Сегодня купила? Прелесть!

– Он в ванной у нас висел, – объяснила Маня, – я решила, что Коробко перепутал, сказала ему: «У меня такой шмотки нет, это мамина». Женя возразил: «Я нашел в дальней кладовке чемодан, на него наклеена этикетка: «Мария». Представляешь? Начисто про пеньюар забыла!

Я взяла телефон.

– Сейчас позвоню Ирке, пусть она объяснит, что за чуланы такие в Ложкине имеются. Алло!

– Бонжур вам, – нараспев произнесла наша домработница, которая теперь прочно обосновалась во Франции, следит за домом, обзавелась подругами и совсем не хочет возвращаться в Москву, – парле муа кеске ву ве? Манже из буланжери? Или йогур авек фруи?[1 - Скажите мне, что вам надо? Еда из булочной или йогурт с фруктами? – Это так называемый «русский французский».]

Несмотря на ужасное произношение, Иру можно было понять.

– Спасибо, не откажусь от еды из булочной и йогурта с фруктами. Но боюсь, доставка много времени займет, – вздохнула я.

– Так вы наша, – обрадовалась Ирка, – не сомневайтесь, все привезут в течение получаса. Если только вы не в Лондоне. Хи-хи. Шутка.

– Живу неподалеку от Москвы в Ложкине, – серьезно уточнила я. – Управитесь за тридцать минут?

И я включила громкую связь.

– Ой, здрассти! Не узнала вас сначала, – затараторила Ира, – богатая будете. Мы тут с Ваней подумали, чего без дела куковать, ждать, когда вы прилетите и работать придется. Договорились в лавках нашего района, сделали сайт в интернете. Народ звонит, заказы делает, Ваня доставляет, он на табуретке быстро ездит.

Перед моим взором мигом появилась картина: совсем не худенький и не маленький Иван, сев на кухонную табуретку, катится по узким парижским улицам с воплем: «Разойдись, народ, срочная доставка жрачки клиентам». Ирка кое-как научилась объясняться на языке Гюго и Бальзака, а вот ее супруг на редкость бездарен в лингвистическом плане.

Наверное, на моем лице появилось выражение недоумения, потому что Юра быстро пояснил:

– Табуретка не из кухни. Это такая штука с рулем и колесами вроде мопеда. Хотите расскажу, чем она отличается от мотоцикла?

Чтобы не обижать зятя отказом, я, бормотнув: «Конечно, но не сейчас», спросила у нашей «француженки»:

– Ира, в Ложкине есть помещение, куда не ступала нога человека?

– Уточните чья, – потребовала Ирка, – хозяйка и горничная по разным маршрутам бегают. Зачем вам в постирочную? А ей за каким чертом в библиотеку? Разве только пыль смахнуть!

– Не занудничай, – велела Маша, – назови закоулки, куда никто не заглядывал сто лет!

– Манюнечка! – обрадовалась Ирка. – Как ты себя чувствуешь? Тошнит?

– Очень редко, только все воняет, – пожаловалась Маша.

– Ну ничего, скоро постоянно наизнанку выворачивать будет, – пообещала Ирка.

– У нас есть чуланы, в которых неизвестно что лежит? – остановила я Ирину.

– Да везде хлам, – ехидно доложила та, – даже в Париже ухитрились кавардак устроить. А я и не разбираю. Смысл? Приедете и снова все расшвыркаете. В Ложкине просто атас! А почему вы спрашиваете? Чего потеряли?

– Наоборот, нашли, – сказала я и поведала про Коробко, посуду и вещи.

– Знаю, в каком месте больной аккуратностью рылся! – заголосила Ирка. – Дальние, средние кладовки! Вот же придумал фигню. Он набрел на сараюшки, которые застройщик по договору поставил.

– Точно! – обрадовалась я.

Когда мы покупали дом, владельцы поселка пообещали не только нам, но и всем жителям Ложкина бесплатные помещения для хранения разной белиберды. И устроили чуланы в административном здании.

– Когда заселялись, вы туда уйму всего спрятали, – ворковала Ирка, – сначала забили дальний отсек, потом тот, что ближе. Никто понятия не имеет, чего там заховано. Вы туда лет пятнадцать носа не совали. Интересно, зачем этот Шкатулко в хранилище лабудени попер?

– Завтра спрошу у него, – пообещала я, – надо мне там порыться. Похоже, в чулане много интересного.

Глава 7

Разобравшись с тайной появления неизвестных вещей, я отправила Машу и Юру спать, а сама поспешила к Дегтяреву. Александр Михайлович сидел в кресле с айпадом. Увидев меня, он быстро захлопнул планшетник и спросил:

– Ну? Между прочим, я работаю.

Я откашлялась.

– Извини, что только сейчас завожу разговор. Понимаю, следовало сказать раньше. Но дома Маша. Надеюсь, ты понимаешь, почему я сразу не сообщила шокирующую новость: в лесу за поселком…

– Труп мужчины, – перебил меня полковник, – ты мне позвонила вскоре после того, как мы уехали, забрав тело женщины. Закричала: «У проклятых “развалин” мертвый человек. Валерий Носов, местный мастер на все руки, подозревает, что секьюрити впустил на территорию поселка преступника, который сделал проход в заборе». Потом раздался голос Жени: «Дарья в ужасном состоянии, ее трясет. Дам ей чаю с коньяком. Приезжайте, пожалуйста, побыстрее. Кажется, случилась новая беда. Хозяйка принесла чужую сумку». Когда я примчался, ты храпела в своей спальне. Коробко отдал мне торбу. И передал то, что ты ему сообщила: часть забора превращена в калитку, в чаще мертвец, кладбище, на дереве висела сумка. Думаю, тебе надо отправиться спать.

– Чье тело найдено в лесу? – не отставала я.

– Спокойной ночи, – огрызнулся толстяк.

– Имею право знать, – возмутилась я, – если бы не я, не найти тебе ни сумки, ни покойника.

Полковник встал.

– Ладно, слушай. Два дурака, Вероника Невзорова и еще один, поперли в лес. Наслушались сказок про клад и решили поискать деньги. Или драгоценности, в общем, не знаю что. Он внезапно умер. Скорей всего у него инсульт. Она перепугалась, побежала в поселок за помощью. Наш дом оказался первым жилым на пути. Невзорова постучалась, вошла в холл и тоже скончалась. Все. Конец истории. Они грабители старых могил. Ничего оригинального, таких вандалов много.

– Что валялось около трупа? – полюбопытствовала я. – Похожий круглый предмет сжимала в руке Вероника. И кто она такая? Где живет, работает?

Александр Михайлович закатил глаза.

– Ну все! Теперь ни минуты покоя не будет. Вместо того чтобы лезть не в свое дело, приставать к человеку, который устал, но тем не менее решает важные служебные проблемы, займись запущенным домашним хозяйством. У тебя в доме есть нехоженые чуланы. Разбери их. Наведи порядок. Устанешь и отстанешь от меня.

– Твои люди не догадались пойти в лес, а я там вон сколько всего нашла! – возразила я. – Скажи «спасибо», в противном случае личность умершей мог бы и не установить.

– Без тебя знали, что надо окрестности осмотреть, – взвился толстяк, – не следовало лезть поперек умных людей.

– Умные люди уехали, – напомнила я, – в сторону чащи даже не посмотрели. Не лезу я в твое расследование. Но имею право…

– У тебя есть право изучить свои чуланы, вот и воспользуйся им, – схамил Дегтярев, – остальное не твоего ума дело. До свидания.

Я молча развернулась, дошла до своей спальни, позвонила Семену Собачкину, рассказала о случившемся сегодня в нашем доме и попросила:

– Сеня! Хочу выяснить, что узнал полковник.

– Решила ему нос утереть? – засмеялся вдалеке Кузя.

– Просто надоело, что Дегтярев держит меня за дуру, – призналась я. – Кто обнаружил сумочку? Думаешь, полковник мне «спасибо» сказал? Единственное, что я из него вытянула: мужчина и женщина, возможно, кладоискатели.

– Чушь, – фыркнул Собачкин. – Откуда в том лесу сокровища?

Я рассказала про монастырь, графа… Семен расхохотался.

– Кто пургу намел?

– Сведения я получила от Валерия Носова, – объяснила я, – он живет неподалеку, поэтому хорошо знает местную историю.

– Дашута, – перебил Сеня, – мое детство тоже здесь прошло. У родителей был дом в Ложкине, я ходил там в школу, потом уехал в Москву, поступил в институт, работал в столице. Спустя годы мы с Кузей основали свою фирму, и я построил коттедж неподалеку от своей малой родины, так сказать, вернулся к истокам. Жаль, старого Ложкина более нет.

– А куда оно подевалось? – удивилась я. – Думала, название для нашего поселка придумали застройщики. Неподалеку расположено Вилкино, вот они и пошутили.

– Нет, Ложкино – село моего детства, – пояснил Сеня, – в выпускном классе в апреле месяце я отправился на олимпиаду в МГУ. Учился в школе, которая в Крючкове до сих пор работает, одни пятерки получал. Дураком я никогда не был, сообразил, что столичные выпускники лучше подготовлены, многие с

репетиторами занимались. У моей же мамы денег лишних не было. Да и нелишних тоже не хватало, мне только на себя рассчитывать приходилось. Задумал победить на олимпиаде и в вуз попасть. В газетах сообщили, что МГУ обещает тех, кто первые три места займет, без экзаменов и конкурса сразу зачислить на мехмат. Два дня я в столице кантовался, маме наврал, что меня в гости дачники, которые у тети Кати, соседки нашей, сарайчик снимали, позвали. На самом деле я на вокзале ночевал, вернулся – от деревни одни печные трубы остались. У Кузнецовых пожар полыхнул, все погорельцами стали, многие погибли. Лет десять пепелище народ пугало. Потом его с землей сровняли. Никто там заново строиться не стал. Тем, кто жив остался, дали квартиры в Истре, Нахабине, других местах. Подождешь пару секунд, я за водой сбегаю.

Из трубки послышался голос Кузи, правой руки Собачкина:

– Мать Сени в том пожаре погибла. Она служила медсестрой в психушке, которая в лесу стояла. Собачкин на той олимпиаде победителем стал и в МГУ попал. Какая цифра на камне выбита была?

– Точно не помню, – ответила я, – то ли семьсот десятый, то ли двадцатый год.

– Брехня, – отрезал Кузя, – я влез сейчас в документы. Для начала: монастыря в лесу никогда не было. Графа Филиппа Юсупова не существовало. В тысяча восемьсот семьдесят втором году в лесу около Ложкина построили больницу для туберкулезников. Главным врачом там был Филипп Юсунов. А в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году на свет появился граф Феликс Юсупов. Он потом в тысяча девятьсот шестнадцатом году убьет Распутина. Юсунов – Юсупов. Филипп – Феликс. Имена и фамилии похожи. Поэтому, наверное, народ стал считать, что где-то около больнички его имение. Когда началась Вторая мировая война, больницу закрыли, куда делись больные – неизвестно. Не до туберкулеза было, враг стоял у столицы СССР. В середине пятидесятых клиника вновь заработала, но теперь в ней содержали сумасшедших. Психушка действовала до начала нулевых и тихо закрылась. Это вся история. Нет там кладбища! И надгробия с цифрой тысяча семьсот десять или двадцать тоже. Откуда оно возьмется, если люди с больными легкими там впервые лишь в последней трети девятнадцатого века появились? До этого в лесу одни деревья росли.

– Я сама видела камень, – заспорила я, – и цифра была такая, как я сказала.

– Ты с перепугу не рассмотрела, – засмеялся Кузя, – кто-то недавно похоронил свою кошку. Небось тысяча девятьсот какой-то там указан.

– Глупости, я плохо знаю математику, уравнения с буквами a, b, c никогда не решу. Но вижу отлично и цифры знаю. Где Собачкин? Сколько можно воду искать? – рассердилась я.

– Я давно тут, – сказал из трубки голос Сени, – просто слушал. Прости, Дашута, ты в Ложкине не так давно живешь, а я там родился. Моя мама медсестрой в психушке работала, она мне не разрешала по лесу шнырять, но детей тянуло к сумасшедшему дому. Должен тебя разочаровать, Кузя прав. Особняком графа больница никогда не была. В мое детство в здании жили нормальные сумасшедшие.

– Красиво звучит, – восхитился Кузя, – нормальные сумасшедшие.

– Так небуйных называли, – пояснил Сеня, – тихих, они делали в мастерских всякую ерунду, например коробочки расписные. Мне шкатулки очень нравились, а психи хотели сигарет, которых им, естественно, не давали. Еще там были мастера плести коврики. Я все мечтал получить: и шкатулку, и подстилку на пол, и закладки в книги. Все, что психи производили, школьнику Собачкину прекрасным казалось. И друг мой Никитка Буркин того же мнения был. Его мать уборщицей в клинике пахала, вот она сыну эту прелесть приносила. Моя же мама конкретно высказалась: «Дрянь из больницы в нашем доме не появится! Хватит мне этого “искусства” на службе. Не ной!» Но я твердо решил заполучить вожделенное и придумал способ. Мы с Никиткой пошли в сельпо. Пока он что-то по просьбе бабки покупал, продавщицу отвлекал, я стырил блок сигарет. Потом мы побежали в больницу, решили выменять пачки на коробочки и остальное. Операция прошла удачно, мы вернулись домой с добычей. Я свою часть в детской спрятал, хотел ночью на нее полюбоваться, сел «Спокойной ночи, малыши!» смотреть, обожал эту программу из-за мультиков. И тут к нам тетя Зина, продавщица, ворвалась, с ней тетя Катя, старшая медсестра. В психушке большая часть сотрудниц была из местных, все друг друга знали. Как они орали!

Сеня засмеялся.

– Оказывается, Катя пришла после смены в сельпо и рассказала Зине, что ее сегодня замглавного врача отчитал по полной программе. У больных нашли

сигареты болгарские, «Родопи» назывались. Как табачок к сумасшедшим попал? Катя учинила контингенту допрос, один больной сознался, что взял у школьника, чье имя забыл, пачку в обмен на коврик. А Зина как раз недосчиталась «Родопи» и впала в минор. Не «Дымок» дешевый сперли, дорогое курево, с фильтром, иностранное. Тетки стали гадать, кто вор. Катя вспомнила, что видела Сеню Собачкина на территории клиники, а Зина нас с Никитой в магазине заметила. Упс. Сошелся пазл. Ох и вломила мне мама! А Никитке даже «ай-яй-яй» не сказали, он всегда сухим из воды выскакивал, его мамашка только поржала.

– К чему ты эту историю рассказал? – не поняла я.

– Прекрасно знаю территорию вокруг психушки и административного корпуса, – пояснил Семен, – кладбища там никогда не было.

– Умерших хоронили в общей могиле в Пасюкино, – добавил Кузя, – я нашел сведения о захоронениях.

– Я видела большой камень, – упорно твердила я, – дата золотом сияла: тысяча семьсот десятый год, еще маленькие такие надгробия чуть дальше виднелись, на них кресты нарисованы. Но к ним я не подходила, потому что труп нашла.

– Ты обозналась, – хором заявили мои собеседники.

Но я твердо стояла на своем.

– Нет. На валуне кроме цифр еще фамилия была. Имя. Отчество.

– Какое? – полюбопытствовал Сеня. – Назови.

Глава 8

– Не помню, – расстроилась я, – не русская какая-то. Имя нераспространенное. Забыла! Но можно туда еще раз сходить и посмотреть.

– Сходим завтра к этому камню? – осведомился Кузя.

Я промолчала. Ни малейшего желания не испытываю вновь гулять по лесу. Я не трусиха, просто не хочется.

– Погоста никогда не было, – продолжал Собачкин. – Кто лучше знает? Ты или я, который детство в Ложкине провел?

– Когда в последний раз ты там был? – спросила я.

– Очень давно, – признался Семен, – после истории с сигаретами мама пообещала мне, если я еще раз появлюсь на территории клиники или вообще в лесу, она меня отправит к бабке жить, к матери моего покойного отца, куда-то за Урал. Я старуху никогда не видел, испугался и перестал бегать к лечебнице. Хорошо знал – мать слов на ветер не бросает. Застукает меня, и лететь мне к незнакомой старухе. Мама нервничала, что она целыми днями на работе, а сын без присмотра. Но я больше никогда не воровал, учился хорошо, на олимпиаде победителем стал, поступил в МГУ. Отлично знаю: кладбища нет!

– Есть! – зашипела я.

– Ладно, давай поспорим, – предложил Сеня, – на обед в ресторане у Фреда.

– Там дорого, – предостерегла я, – очень большой счет всегда.

– Ага, – заликовал Собачкин, – боишься проиграть!

– Нет, беспокоюсь о твоем кошельке, потому что уверена в своей правоте, – возразила я.

– Завтра вместе сходим туда и узнаем, кто прав, – договорил Сеня.

– Пока вы вели себя, как два барана, которые повстречались утром рано, я нашел информацию на Веронику Глебовну Невзорову, – объявил Кузя, – она москвичка, одинокая. В графе место работы указала: фрилансер.

– Понимай, бездельница, – припечатал Сеня, – мне еще нравится: «блогер». Раньше те, кто гадости про соседей сочинял, назывались сплетниками, клеветниками. А теперь они блогеры. Если кто врет в интернете про знакомых или неизвестных ему людей, переписывает чужие статьи, делая в каждом слове ошибки, рецензирует кинофильмы, которые не смотрел, книги, которые не читал, не имея своих детей, учит молодых родителей, как им наследников воспитывать, издевается над немодно одетой подругой, вопит: «Я свободен, никогда в штат работать не пойду», то он не клеветник, не плагиатор, не безграмотный дурак, не идиот, который хочет выглядеть профессором психологии, не завистник, он – блогер. Но только если солидная газета или журнал предложат ему ставку корреспондента, эта плохо воспитанная личность вмиг «блогить» перестанет и кинется в редакцию на постоянные деньги. Но вот беда, блогерами интересуются только те, кого они презирают, нормальным СМИ, телевидению они не нужны.

– Не злись, – попросила я, – не каждому повезло получить хорошее образование, и отнюдь не все, у кого есть диплом МГУ, интеллигентные люди. Те, кто капает ядом на клавиатуру, – несчастные людишки. Когда человек счастлив, у него нет ни времени, ни желания кропать гадости. Если от кого-то льется негатив, то этот человек скорее всего неудачник или у него нет мира в душе. Очень жаль его.

– Учитывая найденную сумочку, Вероника, скорее всего, находилась на месте смерти незнакомца. То ли она с ним пришла, то ли зачем-то сама в лес подалась, но очень испугалась, когда увидела тело, и помчалась в поселок. Я послал фото на почту, проверь, это она в холле твоего дома свалилась? – попросил Кузя.

Мой айпад тихо звякнул.

Я открыла планшетник, который лежал на тумбочке у кровати.

– Очень похожа. Но выглядит намного моложе.

– Стресс старит, – заметил Кузя, – личность мужчины полиция пока не установила, отпечатки пальцев не помогли. Их у покойного никогда не снимали.

– Значит, он не военный, не фээсбэшник, не полицейский – у них теперь еще и ДНК берут, – перебил его Сеня, – и не привлекался. Круг поиска сужается.

– Ага, – неожиданно согласился Кузя, которому только дай поспорить, – просто надо перерыть миллионы добропорядочных граждан. Флаг нам в руки. Надеюсь, успеем до второго Всемирного потопа.

Дверь в мою спальню скрипнула. Я быстро отключила мобильный, схватила журнал со столика у кровати и сделала вид, что увлечена чтением. Раздался звук шагов, я сразу сообразила, что ко мне вошла не Маша. Она врывается с громким воплем: «Мусик», и не Юра, тот всегда стучит, и у него легкий шаг. Скорей всего притопал Дегтярев. Интересно, что ему понадобилось? И почему толстяк сопит, кряхтит, но молчит?

Я решила изобразить, что лишь сейчас поняла: в спальне кто-то есть, отложила глянцевое издание, повернула голову, собралась воскликнуть: «Это ты?» Но из груди вырвался вопль:

– Мама!

У моей постели одетый в голубую пижаму с изображением котов, обутый в тапки в виде свинок стоял пузатый негр в шапочке для душа. В руках эфиоп держал короткую толстую палку веселенькой розовой расцветки.

– Не надо кричать, – шепнул он, – тихо!

Незваный гость мог и не произносить эти слова – у меня от ужаса пропал голос.

– Помоги мне, – попросил африканец.

– Вы очень хорошо говорите по-русски, – кое-как пропищала я, – без акцента. Наверное, учитесь в Университете дружбы народов?

– Не идиотничай, – сквозь зубы произнес не известно как оказавшийся в доме чернокожий, – хватит дурака валять. Тебе смешно, а у меня проблема.

Я выдохнула. Негр вроде не собирается причинить мне вред. Он не размахивает странной дубинкой, которая должна очень понравиться кукле Барби, не говорит: «Отдавай драгоценности». И вообще он совершенно не похож на грабителя. Домушники не надевают пижаму с тапками, когда отправляются на дело. У них

кроссовки, в которых удобно бегать, и тренировочные костюмы. В «свинках» и байковых панталонах далеко не удрапаешь.

– Зачем вам шапочка для душа? – поинтересовалась я.

Негр топнул ногой.

– В инструкции написано, что волосы можно испачкать. Хватит кретинствовать. Встань и сделай что-нибудь. Не могу же я так завтра на работу явиться.

Я решила подольститься к незваному гостю.

– Вы прекрасно выглядите!

Эфиоп наклонил голову.

– Заканчивай этот спектакль!

И тут меня осенило. Пижама, тапки, полиэтиленовый мешок на башке… Через дорогу от нас живет Рената Иванова. Она мулатка, отец ее из Ганы, а мама москвичка. Дети от смешанных браков очень часто получаются хорошенькими, но Рената по-настоящему красива. Она модель, много снимается для разных журналов. Муж ее богатый бизнесмен, значительно старше супруги, и он ревнивее, чем десять Отелло. Сколько раз Рената в слезах прибегала ко мне – и не сосчитать.

– Ну как объяснить Пете, что я люблю его, – плакала она, – в фэшн-мире трудно найти парня, которого интересует противоположный пол. Но Петя мне не верит, готов растерзать каждого, кто в его отсутствие вошел в наш дом. Доставщик пиццы вызывает у мужа истерику.

Наверное, Рената вспомнила пословицу: «Лучше грешной быть, чем грешной слыть», в конце концов она решила оправдать подозрения супруга, привела любовника. И тут, как водится в таких случаях, внезапно появился законный муж…

Я встала.

– Попробую вам помочь.

– Наконец-то перестала идиотничать, – сверкнул глазами незнакомец.

И я вдруг сообразила: у негра голубая радужка. Африканец тем временем направился в сторону моей ванной, распахнул дверь… Он вел себя так уверенно, словно не впервые попал в мой дом. И его походка чуть враскачку, живот…

– Дегтярев? – осторожно спросила я. – Это ты?

– Нет, марсианин, – громко начал полковник и опять перешел на шепот: – очень прошу, перестань изображать, что не узнала меня.

– На самом деле не поняла, кого вижу, – призналась я.

– Ты всерьез решила, что я поверю в этот дешевый спектакль? – скривился толстяк. – После ста лет знакомства ты не поняла, кто перед тобой?

– Во-первых, ты черный, – возразила я, – а раньше имел белый цвет кожи.

– Не знал, что ты расистка, – возмутился толстяк.

Я начала оправдываться:

– Мне все равно, какая национальность, вероисповедание и внешность у человека, главное, его моральные принципы. Но, согласись, странно принять негра за Александра Михайловича. Кроме того, я ни разу не видела на тебе пижаму с кошками, тапки-хрюшки, и с розовой дубинкой ты ранее не разгуливал. Полицейским теперь выдают такие гламурные средства защиты? Погоди, почему у тебя палка? Тебя перевели в патрульную службу?

Александр Михайлович встал около умывальника.

– Домашняя одежда лежала на постели. Сам удивился, но надел. Вид идиотский, но очень все приятное, мягкое, теплое.

– Коробко нашел в дальних кладовках нечто и для тебя, – сообразила я, – теперь объясни, почему ты почернел?

– Только лицо, шея и кисти рук, – уточнил толстяк и протянул мне профессиональный аксессуар стражей закона, – прочитай, там все написано.

Глава 9

Я взяла розовую дубинку и поняла – это узкая, высотой примерно двадцать сантиметров жестяная банка.

– Крышку сними, – велел толстяк, – увидишь инструкцию.

Я выполнила указание, увидела, что внутри яркой упаковки находится вторая, на сей раз стеклянная, а вокруг нее свернутый листок. Я вытащила его и начала читать текст.

«Маск для морды лица с морщиной и старостью. Мазькать каждый вечер, морщин убежит. Кожа попа ребенка ровная, гладкий, барабан похожа. Улыбка всех. Румянец навсегда, зуб сверкать, уши хлопать по ветру. Молодость, красота морды, шея и руками. Травы из гор. Река свежести. Купить в обязанность весь продукт: мыл морды лица, вода косметика, маск, крема, для работы и спать. Состав маск: чисто природные, не синтетик: угол, нефт, масл, экология порядок. Способа потреба: мыть морду лицу мыл фирма «Маск природ». Вода туалетн. фирма «Маск природ». Маск намазюкать слой со слона на морду лица, шей и рук. Зыркала и едало нет намазькивать. Один час сидат-лежат, не жрат, не болтат, не ржат! Молчат. Смыт вода из труба. Намазькать крем «Маск природ». Морда лица сияет свежест зари, щеки арбузы. Молодость сильная и крепкая. Пользовать тока весь продукт «Маск природ». Мешать с другой продукт жуть на морде лица: прыщ, старость, морщин. Пользоват всегда. Вес год. Без перерыв. Купит весь курс со сброской в пять процентов, получит личный сброска двадцатка процентов на два курс. Красотень вашей морды лица в «Маск природ». Фирма держит медал «Лучшая товара всего мира», медал выдал ПРСТУФХЦЧШ».

Я отложила листок и, стараясь не захохотать в голос, поинтересовалась:

– Где ты взял сие восхитительное средство?

– В интернете, – признался толстяк, – на сайте про красоту, здоровье и молодость, его очень все покупатели хвалят. Дай-ка свой айпад.

Не спрашивая у меня разрешения, Дегтярев сбегал к моей кровати, схватил планшетник и вскоре продемонстрировал несколько фотографий.

– Видишь? Справа женщина до использования маски, слева она после трехдневного курса. Потрясающий эффект.

– Ты опытный полицейский, – не выдержала я, – неужели не сообразил, что на снимках разные тетки? Справа непричесанная блондинка без признаков макияжа, нос картошкой, щеки круглые. Возраст примерно лет семьдесят. А слева тридцатилетняя дама с укладкой, губной помадой, тенями на веках, у нее нос с горбинкой, личико треугольное. Дорогой, мне и в голову не могло прийти, что ты попадешься на столь глупую уловку. Кто производитель этих «масок для морды лица»?

– Корея, – процедил полковник, – она сейчас номер один в плане косметики.

– Согласна, – кивнула я, – сама пользуюсь корейскими средствами, очень ими довольна. Но! Все руководства, которые приложены к банкам, написаны на нескольких европейских языках. Грамотность английского текста я оценить не могу, но тот, что на русском и французском, всегда безупречен, как в лексическом, так и в грамматическом плане. Нефти, угля, масла и других, подобных им, «экологически чистых составляющих» в косметике из Кореи нет. То, чем ты намазюкал морду лица, шей, рук, исключая зыркалы и едало, не имеет ни малейшего отношения к настоящей корейской косметике. Ты приобрел нечто непотребное, сваренное в подполе избы в далекой деревне ловкорукими гастарбайтерами из ближнего зарубежья. В качестве последнего штриха отмечу: корейцы никогда не настаивают на употреблении всей своей линейки, наоборот, они пишут, что гель для умывания и лосьон можно взять от любого производителя.

– Хватит умничать! – взвился Дегтярев. – Немедленно сделай из меня нормального человека!

Я открыла шкафчик.

– Нельзя ставить перед женщиной невыполнимую задачу. Нормального человека из тебя мне не по силам сделать. Могу попытаться стереть «маск» с твоего лица. Зачем ты вообще намазюкал морд?

Александр Михайлович сел на пуфик.

– Ну… Щеки у меня как у английского бульдога стали. Морщин полно. Тяну на все девяносто. Да еще толстый. Хочется выглядеть, как в молодости. Понимаю, это невозможно, но хоть чуточку посимпатичнее смотреться. Стал в интернете советы женщин читать. Набрел на маску, не дешевая, отзывы хвалебные, а она не смывается. Ничем.

Мне стало жаль толстяка.

– Не расстраивайся. Сейчас ее уберем. Вот мицеллярная вода, сначала ею лицо протри, потом умойся гелем и вновь станешь белокожим. Средства эти отлично удаляют всю косметику, они ни разу меня не подводили.

Дегтярев ушел, вернулся минут через десять.

– Почему ты до сих пор не умылся? – удивилась я.

– Три раза сделал, как ты посоветовала, – жалобно заныл полковник, – результата ноль.

– Похоже, «маск для морды лица, шей и рук» сделана на основе универсального клея, – вздохнула я.

Следующий час я пыталась избавить Александра Михайловича от восхитительного омолаживающего средства, пустилась во все тяжкие: мыло для тела, гель, которым моют ноги… «Маск» не дрогнула. В ход пошли разные скрабы: для личика, тела, пяток… Лицо приобрело серый оттенок. Малый успех

всегда вдохновляет на великие подвиги. Я притащила обычное растительное масло, винный уксус, крупный сахарный песок, гущу из кофемашинки, потом выжала сок из лимона. И вдохновенно создала несколько разновидностей пилинговых наборов. После употребления домашних средств полковник стал походить на индейца.

– Идем по верному пути, – обрадовалась я и приволокла из кладовки порошок для посудомойки.

– Уверена, что им безопасно пользоваться? – закапризничал Дегтярев.

– Как пакость из «угл, нефт и масл» намазькивать, так пожалуйста, – возмутилась я, – это средство для посуды, оно не ядовитое.

Александр Михайлович вырвал у меня пластиковую бутылку.

– Дай сюда. Состав: этил… метил… гмк… бкд… С ума сошла? Там сплошная химия! Я отравлюсь! Насмерть.

– Ты же не станешь есть порошок половниками, – возразила я.

– Через поры кожи яды проникнут в кровь, – занудил Дегтярев.

Я опустила глаза. И где логика? Намазать на лицо не пойми какую дрянь можно, а удалить ее с помощью меньшей гадости, которой тарелки моют, опасно?

Полковник издал стон, глянул в зеркало и молча стал вытряхивать из бутылки белый порошок.

Глава 10

Резкий звонок выдернул меня из сладкого сна, я нашарила трубку.

– Кто там? – простонала я, не раскрывая глаз.

– Сеня, – ответил Собачкин, – мы договорились в лес пойти, хочу выиграть обед у Фреда.

Веки наконец разлепились, я уставилась на будильник. Полдень!

– Ты спишь? – с легкой завистью спросил приятель.

– Нет, – честно ответила я, – проснулась. Буду готова через полчаса.

– Если горизонт чист, дома никого, то я сейчас прикачу, – пообещал Сеня.

– Все давно уехали на работу, – без колебаний ответила я, сползая с кровати.

Примерно через час мы с Семеном шли по лесу и вели мирную беседу.

– Тем, кто сюда попал, определенно помогла охрана, – заметил Собачкин.

– Или кто-то из жителей, – добавила я, – заказал пропуск на машину.

Сеня резко остановился.

– Автомобиль! На чем-то же они приехали!

– Можно добраться на электричке, потом сесть на маршрутку, – возразила я.

– И плюхать два километра до поселка? – скривился мой спутник. – Это неудобно.

– Существует такси, – нашла я новую возможность.

– Все равно надо проверить пропуска на въезд, – сказал Сеня, – тот, кто пилил забор, скорей всего приехала на машине. У него при себе был инвентарь, резак например.

– Как он его включил? – поинтересовалась я. – Розетки в заборе нет.

– Существуют приборы, которые, как телефон, заряжаются, – улыбнулся Семен. – У меня другой вопрос: зачем мужик и Вероника сюда приперлись? Что интересного в лесу? Грязь одна. Ну, где твое кладбище? Валун?

Я показала пальцем на здоровенный серый камень.

– Это он! Чуть поодаль была неглубокая яма, возле которой вниз лицом лежал мужчина.

Приятель подошел вплотную к глыбе.

– Цифр нет!

– Неправда, – засмеялась я, – сейчас сама проверю.

– Пожалуйста, – согласился Собачкин и отошел.

Я взглянула на камень и не поверила своим глазам.

– Пусто!

– Говорил же, нет погоста, – заявил Сеня, – и не было его никогда. Нельзя хоронить покойников где вздумается, существуют строгие санитарные нормы.

– Я прекрасно видела дату, – бормотала я, – и фамилию с именем, просто их забыла.

– Тебе почудилось! От стресса и не такое бывает, – пожал плечами Сеня, – ты очень нервничала.

– Не принадлежу к племени истеричек, – промямлила я. – Были цифры и надпись, а сейчас их нет!

– Ладно, не переживай, все именно так, как ты говоришь, просто белки ночью хвостами цифры и буквы стерли, – с самым серьезным видом заметил Собачкин. – Вроде ты, Дашенция, твердила, что еще были надгробья?

– Да, – кивнула я, – небольшие совсем камни.

– И где они? – ухмыльнулся мой спутник.

Я пробормотала:

– Вон там. Подальше.

– И на них не замечаю крестов, – фыркнул Собачкин, – наверное, их зайчики унесли. Зима настала, снега, правда, нет, одна грязюка, но ведь холодно. Понадобилось избенку украсить, лучше всего ритуальный инвентарь им подошел.

Я молча слушала, как ехидничает приятель. Совершенно уверена: на валуне стояла дата – тысяча семьсот десятый год. А за ним находились другие могильные камни, я не приближалась к ним, что на них написано, не разглядела.

– А вот кресты я видела, – вслух произнесла я, – золотые такие, яркие! Посередине камней нарисованы были.

Собачкин погладил меня по плечу.

– Нервная система пошутила с тобой. Есть люди, которые слышат голоса, а медиумы беседуют с покойниками.

– Намекаешь, что я сумасшедшая шизофреничка? – осведомилась я.

– Конечно, нет, ты просто испугалась, – вздохнул Сеня. – На секунду отвлекись от мысли о своей правоте, подумай про золотые кресты. Они были видны издалека?

– Да, да, – закивала я, – прямо горели.

– Милая моя, – тоном учителя, который отчаялся объяснить двоечнице азы арифметики, завел Сеня, – любая краска с тысяча семьсот какого-то там лохматого года потускнеет. Наверное, ты понимаешь: реставрацию памятников

на заброшенном погосте производить не станут. Где небольшая ямка, которую по твоим словам вырыл покойник? Куда подевались непонятные кругляши, лежавшие у тела?

– Наверное, их забрал эксперт, – предположила я.

– А полиция яму в земле закопала, чтобы ежик в нее случайно не упал, – окончательно развеселился Собачкин, – ты же знаешь, как криминалисты поступают: сначала осмотрят место преступления, улики соберут, затем все аккуратно подметут, уберут, на место вернут…

Я вспомнила прихожую нашего особняка, которая после отъезда Раисы и ее помощников выглядела как пейзаж после танковой битвы, и молча пошла по грязи назад.

– Ну ладно, не дуйся, – загудел за спиной Сеня, – каждый может обознаться. Помнишь наш спор? Ты ресторан проиграла.

Я хотела сказать, что не отказываюсь вести Собачкина в трактир, но не успела. Правая нога поехала в сторону, левую потянуло назад. Я попыталась сохранить равновесие, замахала руками, но каша из глины оказалась очень скользкой. Семен, сообразив, что я терплю бедствие, сделал большой шаг, он явно хотел поддержать меня, но не смог, поскользнулся и рухнул на землю. В ту же секунду я шлепнулась на Собачкина, но быстро встала и рассмеялась:

– Спасибо, что расстелился ковром, я совсем не запачкалась.

– Зато я свинья, – констатировал Сеня, поднимаясь.

– Скорей уж кабан, – поправила я, – здоровенный такой, могучий.

– И вонючий, – добавил Собачкин, – вот черт. Часы потерял, браслет расстегнулся. Как их теперь в этом месиве отыскать?

Я отломила ветку и начала ворошить грязь.

– Ура! Вот они!

– Где? – спросил приятель.

– Неужели не видишь?

– Нет.

– Может, я и страдаю глюками, – вздохнула я, наклоняясь, – но на зрение не жалуюсь.

Я схватила круглый предмет.

– Это не мое, – возразил Сеня.

– Точно, – кивнула я, – это грязный кругляш, один из тех, что около трупа валялись. Кое-какой мой бред стал реальностью.

– Никогда не видел ничего подобного, – залязгал зубами Сеня.

Я встревожилась.

– Ты весь вымок. Еще простудишься, побежали скорей домой.

Пока Собачкин мылся, переодевался в чьи-то брюки, свитер и носки, которые ему с поклоном принес Коробко, я сунула кругляш под воду, потерла его щеткой и сообразила: у меня в руках монета из желтого металла.

– Деньги! – опешил Сеня, войдя в столовую. – Старые.

– Уж не молодые, – засмеялась я. – Женя, у нас есть средство для чистки металла?

Коробко протянул руку.

– Разрешите взять? Верну через пару минут сияющим.

– Откуда в твоем доме парень в голубом сюртуке, парике и в белых перчатках, – изумился Собачкин, – прямо персонаж из телесериала про шикарную жизнь олигархов!

Я налила себе чаю.

– Не уверена, что у них служат такие персонажи. Коробко уникален. За один день ухитрился везде порядок навести и нашел ближние-дальние чуланы с уймой всего ценного.

– Кофе дадут? – спросил за спиной знакомый голос.

От неожиданности я подпрыгнула.

– Привет, Александр Михайлович, – обрадовался Собачкин, – вот, заехал к Дашуте, хочу фото Мафи сделать. Одна моя клиентка решила завести себе веселую собачку. Такая, как Мафузла, ей по сердцу придется. О господи! Ты заболел?

Я посмотрела на полковника и поняла, по какой причине у Собачкина вырвался этот вопрос. Лицо Дегтярева было серо-асфальтового цвета, глаза сильно опухли, губы походили на две сардельки, а нос, и без того не маленький, увеличился почти вдвое. Эфиопскую черноту мне ночью удалось отмыть, но цвет кожи полковника сейчас напоминал шерсть мыши, больной лишаем, на сером пространстве его щек и лба были рассеяны белые пятна. И судя по векам, рту, носу у полковника явная аллергия. На что? Задайте вопрос полегче. На «маск»! На растворитель для краски! На средство для посудомоечной машины. На стиральный порошок! Да на все, чем он ночью «намазькивался» и мылся.

– Я здоров, как бык. Почему ты решил, что я болен? – удивился Дегтярев и начал яростно чесать нос.

– Ну… ты еще дома, – нашел подходящий ответ Собачкин.

– Отчистил, блестит золотом! – объявил Женя, входя в столовую.

Я сделала страшные глаза. Коробко оказался сообразительным, он мигом спрятал монету в рукаве. Слава богу, Александр Михайлович не обратил внимания на заявление Жени, потому что в момент его появления у полковника завопил сотовый.

– Привет, Леня, – недовольно сказал толстяк, – я по делам езжу. Что у вас стряслось? Хуже младенцев команда. Ни на секунду… Как?!!? Врешь!

Лицо Александра Михайловича стало приобретать диковинный фиолетовый оттенок, наверное, полковник краснел от злости, но из-за темного цвета кожи он стал напоминать подгнивший баклажан.

– Глупая шутка, да? – ревел полковник. – Кретинский розыгрыш? Так не первое апреля. Ну, сейчас я приеду! Ну, мало вам не покажется. Ну… ну… прямо! Кто осмотр делал? И как такое получилось? У этого Григория штаны пропали? А мозг у Деревянкина не стырили? Хотя кому он нужен!

Дегтярев быстро пошел к лестнице, заскрипели ступеньки, затем раздались непарламентские словечки:

– …! …! …!

У толстяка много плохих привычек, но при дамах он не матерится. Если душа полковника требует резко высказаться, Александр Михайлович отбежит от представительницы слабого пола подальше. Это называется хорошим воспитанием, орать нецензурщину при женщинах не комильфо. Вот отскочив на пару метров в сторону, пожалуйста, все присутствующие деликатно делают вид, что не слышат выражансов, которые слетели с его языка. И это тоже хорошее воспитание. Сплошное лицемерие сие хорошее воспитание.

Собачкин схватился за свою трубку.

– Кузя! Живо выясни, что случилось в команде Дегтярева. Единственное, что я понял: у какого-то Григория стащили брюки. Жду.

Коробко положил на стол ярко блестевшую монету, размером с кофейное блюдечко.

– Большая деньга, однако, – пробормотал Сеня, – на золотую смахивает. Наверное, дорого стоит.

И тут у Собачкина занервничала трубка.

– Ну, говори, – потребовал Семен, – ух ты! Правда? Прикольно! Ночью? И брюки надел? Ржу не могу! То-то Дегтярев лицо потерял. Ну он им сейчас задаст.

– …! …! …! – понеслось с лестницы.

Я быстро спрятала монету. Мимо меня, громко топая и сопя, пробежал в зону кухни полковник.

– Сделал вам завтрак, – живо сообщил ему Коробко.

– Некогда жрать, когда кругом идиоты! – рявкнул толстяк.

– Положил в ланчбокс, отнес в вашу машину, – пояснил Женя.

– Народ разучился по-русски говорить, – взвизгнул Дегтярев, – бокс-шмокс-покс! Вместо ложки-вилки китайские палочки! Косметика из навоза! Нефть, уголь, газ…

Кипя от возмущения, полковник ринулся в коридор, но притормозил, обернулся и ткнул пальцем в Женю.

– Коробка!

– Здесь! – подпрыгнул тот.

– Надо говорить коробка для завтрака, а не фокс-мокс-токс, – прошипел Дегтярев, – впредь попрошу в моем присутствии высказываться исключительно на русском языке. Я живу в России! Я не ланч жру, а обедаю. Лапен кто? Немедленно положить мне на стол перевод тупого слова!

– Кролик, – услужливо подсказал Евгений.

– Следовательно, на ужин заяц, а не лапен-папен-бабен! – топнул ногой толстяк и умчался.

– Что у него произошло? – заморгала я. – Впервые вижу Дегтярева в таком бешенстве.

– Труп удрал, – рассмеялся Сеня.

Глава 11

– Удрал? – повторила я. – Кто?

– Мужик, которого в лесу мертвым нашли, – пояснил Собачкин.

– Но это невозможно, – сказала я.

– Я слышал рассказы о трупах, которые на прозекторском столе садились, – хмыкнул Собачкин.

– Леонид один из лучших экспертов и далеко не новичок, – ринулась я на защиту патологоанатома, – он покойника с живым никогда не спутает.

– Выслушай сагу, – весело хихикая, перебил меня Сеня, – потом выводы делай.

– Говори, – согласилась я и услышала занимательную историю.

Леонид вчера по дороге из Ложкина на работу купил пирожок с рыбой, когда он, протащившись по всем пробкам, вошел в офис, то ощутил недомогание, да такое сильное, что ему вызвали «Скорую». С диагнозом отравление патологоанатома увезли. Поэтому на мой второй вызов бригады в лес отправился Григорий, молодой парень, пару дней назад взятый на службу. Дегтярев был страшно недоволен заменой, но альтернативы не оказалось, Леня лежал под капельницей, и ему не стало лучше.

Понимая, что начальник зол, и боясь совершить какую-нибудь ошибку, Гриша долго возился в лесу. Мужчина определенно выглядел мертвым, труп запаковали в мешок и повезли в морг. Наступил вечер, Гриша не ел, не пил, устал, очень хотел домой. Александр Михайлович уже уехал, но он позвонил Деревянкину с вопросом:

– Причина смерти?

– При первичном осмотре ничего не выявлено, – отрапортовал парень. – Почему он скончался, выясню завтра при вскрытии. На инфаркт похоже. Или инсульт. Или еще чего. Подозреваю не насильственную смерть. На руках нет защитных ран…

– Не балаболь, – перебил недавно испеченного прозектора полковник, – работай. Завтра четко доложи результат. Гадать на бобах не надо. А сейчас отправляйся домой.

Григорий, похоже, обиделся. Он пожаловался на грубость полковника своему помощнику и пошел в душ. Мылся Гриша долго. Он не только испачкался в лесу, но и продрог, как цуцик, поэтому с удовольствием наслаждался горячей водой. Выйдя в раздевалку, Гриша открыл шкафчик, хотел одеться и ехать домой, но не нашел своих вещей. Внизу стояли только кроссовки. Весьма странно, но при росте метр восемьдесят шесть Деревянкин носит обувь тридцать девятого размера. Ну прямо, как девочка. Наверное, поэтому кроссовки Григория не тронули, они мало на кого налезть могут, а брюки, рубашка, куртка испарились. Сначала парень подумал, что перепутал шкафчики – они не запираются. Но потом заметил свою обувь, решил, что кто-то из старых сотрудников захотел посмеяться над новичком, и методично обыскал раздевалку. Однако вещей не обнаружил. Розыгрыш не показался Деревянкину смешным. Гриша разозлился, решил утром громко сказать, что думает о подобных хохмах, позвонил своей девушке, та привезла брюки, рубашку, пальто, и патологоанатом наконец-то смог отбыть домой. Утром, придя на работу, Григорий хотел начать вскрытие, открыл холодильник и выкатил… пустые носилки.

Деревянкин вытаращил глаза и решил, что он перепутал ячейки, распахнул соседнюю, потом следующую, затем верхнюю, нижнюю… все были с женскими телами. Ни одного покойника мужского пола в морге на тот момент не оказалось.

Не понимая, коим образом мертвец мог исчезнуть из морга, Деревянкин затаился. И что потом выяснилось? В районе часа ночи мимо будки охранника прошел мужчина. Секьюрити дремал и не обратил особого внимания на того, кто покидал здание. Если б парень входил, тут бы его притормозили, попросили пропуск. Но при выходе никто документами не интересуется. Раз убегает, значит, его ранее впустили, все с человеком в порядке. И то, что некто прошел на улицу за полночь, тоже не стало поводом для повышенного внимания. Структура, в которой служит Дегтярев, не знает суббот, воскресений, праздников. Рабочий день у сотрудников не нормирован. Охранник не всполошится, когда мимо него в четыре утра промчится бригада на выезд или какая-то команда вернется в офис. Если подвести итог: труп ушел, нарядившись в вещи Деревянкина, а вот ботинки молодого эксперта оказались «покойнику» маловаты, поэтому он приватизировал штиблеты одного из санитаров, которые мирно куковали в соседнем шкафчике.

В связи с произошедшим у сотрудников Дегтярева появились две версии. Григорий обознался, принял живого за мертвого, а «труп» очнулся и дал деру. Или жмурика элементарно сперли. Второе предположение было совсем уж фантастическим. Если мимо секьюрити люди потащат носилки, на которых лежит большой мешок, то компанию точно остановят и начнется разбирательство. Оживший покойничек как-то ближе к реальности, хотя тоже полный бред.

– Они нашли умершего? – уточнила я.

– Пока нет, – еще сильней развеселился Собачкин. – Гриша утром испугался, воды в рот набрал, никому ничего не сказал. Ну не идиот ли? В десять появился главный патологоанатом, началась конференция, и тут Деревянкин покаялся, признался, что до начала совещания изучил не по одному разу все холодильники и каталки. И что уж совсем тупо, сравнил лица каждой «постоялицы» женского пола с фото найденного в лесу мужика. Но никого, даже отдаленно похожего, в прозекторской не нашлось.

– С ума сойти! – воскликнула я. – Понимаю, что ты говоришь правду, но поверить в эту историю трудно. А Вероника Глебовна Невзорова? Она никуда не утопала?

– Она на месте, – ответил Сеня. – Если рассуждать логически, то…

– Григорий ошибся, – перебила я, – принял живого человека за мертвого.

Семен сделал большой глоток чая.

– Ох, хорошо горяченького хлебнуть. Пару секунд всего в луже лежал, а продрог так, словно год в сыром погребе сидел.

– Вот это и странно, – удивилась я.

– Снега нет, мороза тоже, – начал жаловаться Собачкин, – если на улицу глянуть, то на скорое приближение Нового года совсем не похоже, будто не декабрь, а дождливый ноябрь на дворе. Когда сыро, всегда очень холодно…

– Не о тебе говорила, – отмахнулась я, – в момент нашего с Валерием появления на кладбище…

– Погоста не было, – не упустил возможности напомнить Сеня.

– … Мужчина лежал на земле, – продолжала я, – в верхней одежде, но все равно, он должен был здорово замерзнуть. Деревянкин новичок и балбес в придачу, не смог отличить мертвого от живого. Но! Давай восстановим цепь событий. Можно предположить, что Вероника побывала на погосте. Она пошла в лес. Зачем, мы не знаем, как она попала в поселок, тоже не ясно.

– Кладбища… – начал Сеня.

Я махнула рукой.

– Уже слышала не один раз. Почему я думаю о визите Невзоровой в лес? У нее в руке была грязная монета, аналогичная той, которая сейчас отчищенная лежит на столе. Вероника увидела тело, испугалась, побежала к людям, миновала два пустых дома и начала стучать в наш. Издали видно, что в особняке живут: занавески на окнах, машина под навесом. Вероника вбежала в прихожую и умерла, наверное, от стресса. Очень она испугалась. Приехали полицейские, возились в холле, уехали, я пошла в лес… Представляешь, сколько времени мужик пролежал в холодной грязи? Мы не знаем, когда он упал, можем лишь подозревать, что в момент появления Невзоровой он уже выглядел покойником.

По идее, он должен был замерзнуть до предела.

– Может, его парализовало? – предположил Сеня. – С некоторыми несчастными случается эффект, который медики называют «запертый». Разум сохраняется полностью, а человек обездвижен, речь отсутствует, сердцебиение настолько слабое, что его человеческое ухо не улавливает.

– Но спустя время человек с параличом бойко вскочил, стащил одежду у Деревянкина и удрал? – не утихала я.

Собачкин взял с блюда булочку.

– Настоящие колдуны вуду, которые на Гаити живут, умеют поднимать из могил мертвецов. Делают из них зомби, которые покорно исполняют все желания ведьмаков.

– О! Ты веришь в черную магию, – восхитилась я, – сушеную лягушачью лапу в кошельке держишь? Говорят, она деньги приманивает. Значит, сейчас по Москве бродит зомби, который подчиняется приказам неизвестного злодея?!

Собачкин взял чайник.

– Звучит, как сюжет фантастического сериала, но другого объяснения нет. С кладбищем ты ошиблась, не было его, а вот в отношении парня тебе в голову правильная мысль пришла: не мог он просто так долго на холоде проваляться, чем-то его опоили.

– Зачем? – воскликнула я.

– Вопрос дня, – вздохнул Собачкин и показал на монету, – готов признать: вырытая ямка имела место быть, оттуда вытащили деньги. Может, мужик сокровища искал?

– Похоже, он их нашел, – протянула я.

– Возможно, – пробормотал Семен. – Знаешь, что самое интересное? Когда новый патологоанатом Григорий к трупу подошел, там ничего не было. Ни ямы, ни этих

монет, ни надгробий. Просто лес. И ямка отсутствовала.

Глава 12

– Бред просто, – опешила я.

Собачкин вынул из сумки айпад.

– Тело нашли вы с Валерием?

– Да, – кивнула я.

– Что вы сделали дальше?

– Вообще ничего не помню. Судя по словам Дегтярева, я звонила ему, – объяснила я.

– Прямо из леса?

– Нет, там мобильный не берет, – поежилась я. – Вроде Валерий меня домой проводил, наверное, из особняка я смогла связаться с Александром Михайловичем. Провал в памяти.

– Дальше как?

– Проснулась в своей спальне на кровати, – протянула я, – в джинсах, пуловере. Поздно вечером я поговорила с Женей, он сказал, что обнаружил меня в холле на пуфике с телефоном в руке, уложил спать.

– Нервы расшалились, – нашел объяснение моему состоянию Собачкин. – Когда Александр Михайлович приехал?

– Точно время не назову, когда я очнулась и спустилась в столовую, все дома были. Уже стемнело за окном.

– В декабре рано смеркается, – заметил Сеня. – Ты Дегтяреву рассказала про надгробные камни и кругляши?

Я взяла монету.

– Похоже, она золотая. Нет, думала, он их сам в лесу видел. Здесь выбит год – тысяча триста какой-то, не разобрать дату. Можешь отдать находку на экспертизу?

– Именно так я и собрался поступить, – кивнул Собачкин.

– Достань еще адрес Носова, – попросила я, – он в деревне рядом с поселком живет. Спрошу у него, что он видел. Люди Дегтярева с Валерой беседовали?

Собачкин полистал айпад.

– До десяти утра сегодняшнего дня нет.

– Надеюсь, мастер на все руки сейчас дома, – обрадовалась я. – А что про Веронику Невзорову известно?

Сеня опять устремил взгляд на экран.

– Ничего особенного, училась в институте рекламы и экономики, живет в центре Москвы, перебралась в новую квартиру из коммуналки. Отец был работником типографии, мать портниха.

Сеня взял еще одну булочку.

– Вкусные, сил нет! Более о госпоже Невзоровой ничего не сообщу. Откуда она средства на просторные хоромы взяла? Понятия не имею. Наверное, есть богатый любовник. В загс не ходила, нигде не работает, просто наслаждается жизнью, отношений не оформляет. Прописана в столице в Лыковом переулке, он прилегает к Большой Ордынке, это самый центр. У Вероники целый этаж. До ее счетов в банке Кузя пока не добрался, но это вопрос времени.

– Интересно, почему обеспеченная женщина, дешево одевшись, пошла в лес, где находятся развалины психиатрической лечебницы? – пробормотала я.

– Самому интересно, – признался Собачкин.

Я встала.

– Пусть Кузя найдет информацию по монетам. Возьми ту, что случайно мне попалась, и отдай на анализ. Хочется знать: она золотая или нет? Еще неплохо поговорить с кем-то из родственников Невзоровой. А я поеду, пообщаюсь с Валерием.

– По документам Вероника одинокая, – напомнил Сеня. – Ты с Кузей нас наняла, являешься клиентом. Заказчики по делу не носятся.

Я пошла в коридор.

– Считай меня эксклюзивным экземпляром. Мне с Валерой будет легче договориться, чем тебе. Давно знаю Носова, он для нас постоянно разную работу делает: всякий мелкий ремонт, снег с крыши счищает. Зимнюю резину на летнюю меняет, в сантехнике и электричестве разбирается. На все руки мастер. Тихий, спокойный, неболтливый. И ему очень деньги нужны. Но зачем, точно не знаю, Носов никогда о своих семейных проблемах не сообщает. Просто у нас с ним договор: он получает за работу деньги раз в месяц, ему нравится, когда солидная сумма в кошелек падает, а не капли цедятся. Один раз он попросил деньги на неделю раньше, очень смутился, объяснил: «У меня родственница в больнице на постоянном проживании, сейчас клинику меняю, там требуют на депозит сразу сто тысяч кинуть, не хватает немного. Уж простите, что вас обременяю». Но это всего один раз случилось, и давно, несколько лет прошло, более он о больной речи не заводил.

– Где находился Носов, когда ты, трясясь от холода, домой вчера прибежала? – поинтересовался Сеня.

Я задумалась.

– Не поверишь! Не помню. Как в тумане все. Женя!

– Здесь! – крикнул Коробко, возникая в столовой. – Готов исполнить любое ваше требование.

– Помните, как Дарья вчера пришла домой из леса? – спросил Собачкин.

– В состоянии нестояния, – вздохнул Коробко, – сидела в прихожей на пуфике, дрожала, в руке мобильный, взор стеклянный, зевала без остановки. Я хозяйку в ее спальне уложил, чаю ей имбирного заварил. Она вмиг заснула. Вечером только проснулась, когда семья ужинала. Я сказал, что у Дарьи мигрень, поэтому к ней никто не полез.

– А куда делся Валерий? – удивилась я. – Он меня сопровождал.

– Простите, – расстроился Женя, – не отвечу. Когда я на звонок домофона отреагировал, вы одна стояли.

– Значит, рабочий довел тебя до особняка, нажал на кнопку и ушел, – сделал вывод Собачкин.

Глава 13

За крепким забором обнаружилась маленькая избушка, которая напоминала елочную игрушку. Крыша у нее была ярко-красная, ставни голубые, резное крылечко и фигура деревянного медведя у ступенек дополняли образ сказочного домика. Я постучала в дверь, не дождалась ответа, потянула на себя створку, но та не открылась.

– Ищете кого, девушка? – раздалось за спиной.

Я обернулась. Над изгородью, которая отделяла участок Валерия от соседей, виднелась женская голова. Волосы незнакомки торчали в разные стороны, щеки были слишком румяными, а брови широкими и черными, словно чугунные рельсы.

– Ой, здрассти, Дарья. Со спины вы прямо девочка, – сменила тон тетка. – Валеры-то нет. Если вам чего починить надо, мой Андрюшка сгодится.

– Спасибо, – вежливо ответила я, – мне нужен Носов.

– Чего ложкинские только с ним дело иметь хотят? – обиделась моя собеседница. – Мой Андрейка лучше сработает, меньше возьмет.

– Носов нам много лет помогает, – не пойми зачем ввязалась я в спор.

– И что? – вытаращила глаза женщина. – Просто он сразу к поселковым в доверие втерся. Весь такой прямо вежливый, положительный, не пьет, не курит, матом не ругается… Тьфу. Неправда все!

Я подошла к забору.

– Значит, Носов алкоголик и матерщинник?

– Вас ведь Даша зовут? – осведомилась сплетница. – А я Антонина, – заулыбалась тетушка, – Андрей мой сын, замечательный парень. Но вы почему-то только Валерку зовете! Чего в него уперлись!

– Упаси Господь с ним связываться, – прошипели слева.

Я обернулась. С противоположной стороны участка над другим забором маячила еще одна голова, на сей раз с ярко-рыжими кудряшками.

– Здрассти, Дарья! Андрей к вам придет, потом мать его как КГБ расспросит, что да как в доме, и по всему селу трепать пойдет, – сказала рыжеволосая женщина, – парень не противный, только руки к заднице пришиты, зашибает крепко, пальцы у него трясутся, и припадочный он. На пол валится, корчится, пятками по земле стучит. Частушку слышали? «Ванька парень неплохой, только ссытся и глухой». Ну прямо про Андрея!

– Ах ты, гадюка ехидная! – заорала Антонина. – Настька, рот закрой.

– Тонька врет, что моя Лена проституткой в Москве работает, а теперь слушай правду про своего алкоголика, сынка милого.

– Кто лжет? Я? – возмутилась соседка справа. – Ха! Мне Мишка Рыбаков сказал, что ему Юлька нашептала, будто ей Танька сообщила, как она встретила Наташку, которая спит с Петькой, а тот в клубе на охране стоит. Так он видел, как твоя Ленка там выплясывала. Все знают! Проститутка Елена! Дарья! Коли вам чего сделать надо, то лучше сына и моего зятя нет. Валерку не ищите. Его со вчера нет. Запил.

– Носов любитель алкоголя? – уточнила я.

– Да, – хором заявили бабы, а Настя уточнила: – Ну, вообще-то я его под газом не видела. Но если мужик ночевать не припер, то наклюкался. Хотя сегодня не четырнадцатое апреля.

– Вот тут не поспоришь, – усмехнулась я, – до весны еще далеко. А почему вы про апрель вспомнили?

– Вы не знаете? – снова в терцию воскликнули кумушки.

– У Валерки жена была, – сообщила Антонина, – Вера.

– Нет, Галя, – перебила Настя. – И Катя, дочь, была. Если не знаешь точно, лучше рот зашей. И баба его жива.

– Ой, ты прямо самая умная, – заверещала Тоня, – обо всех до нижнего белья в курсе. Да только не точные сведения у Настьки. Умерла жена Валерки!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Скажите мне, что вам надо? Еда из булочной или йогурт с фруктами? – Это так называемый «русский французский».

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/rodoslovnaya-do-sed-mogo-polena

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити